

18+

Вячеслав Евдокимов

Братья

Вячеслав Евдокимов

Братья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079324

ISBN 9785005105318

Аннотация

Название пятой книги автора «Братья» исходит из одного значимого в ней фантастического произведения, где описывается судьба двух братьев, оказавшихся в необычной космической обстановке, в которой развернулась их борьба между собой в связи с их разной целью жизни. А также показана судьба солдата, прошедшего всю войну с немецким фашизмом с перипетиями его мирной жизни. Показана также фантастическая история Юноши в отношениях с Ведьмой. Представлен ряд басен и стихотворений. Приятного прочтения!

Содержание

Братья	5
Под моим окошком...	154
Пришёл солдат с войны домой...	164
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Братя

Вячеслав Евдокимов

Анна Евдокимова *Иллюстратор*

© Вячеслав Евдокимов, 2020

© Анна Евдокимова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0531-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Братья

И были изгнаны из Рая
Навеки Ева и Адам.
Так Бог, порядок охраняя,
Взвалил на них тяжёлый срам.

Лишились Райских привилегий,
В которых каждый был сверхлих:
Еды за так, веселий, неги!
Теперь забот тьма на двоих...

В труд ум вошёл и ноги, руки,
Чтоб улучшать всё время быт,
У Евы родов стали муки,
Адама бодрый ведь в том вид.

Заполонили Землю детки,
Тьма белых, чёрных и цветных...
Цвета то суток были метки,
Чтоб различать, кто есть среди них.

Сынишек белых именами
Двоих назвали Зап и Вос,
Ну так хотелось Еве-маме,
И не иначе! Каждый рос,

Как и положено детишкам,
Неугомонно всё шая,
Бывало, даже очень слишком,
Да не у разума руля,

Нет, не боясь ввек даже взбучки...
Чтоб не случилось что, сажай
Хоть на цепь их, вяжи хоть ручки, —
Таков в них буйства урожай,
Что не свезёшь уж и возами,
Носы совали в всё, глаза,
Ум лаптя также и ушами...
Ну каждый экстра—егоза!

*«Не лезь туда! Не делай то-то,
К добру сие не доведёт...»*
А им нарочно всё охота!
Узнать всё тщились наперёд.

Всё подрастали... Вдруг негоже
Ходить уж стало нагишом,
Как на туземцев-то похожим,
Вот мама шепчет им о том,

Пора бы фиговым листочком
Им наготу от всех прикрыть,
Ходить свободно чтоб денёчком,
Не впад в смущенья где—то прыть.

И сорвала листочек фиги
И Восу-сыну подала,
И тот без всякой там интриги
Вмиг сделал нужные дела,

Защеголял в сём одеянье
И нос с того вон позадрал!..
У Запа вспыхнуло желанье
Иметь листочек тот, аврал

Его и вспыхнул уговоров,
Чтоб пофорсить ему дал Вос,
Но тот упёрся, будто Боров,
Пустил все просьбы под откос,

И Зап остался обнажённым,
Надув губищи, как Индюк,
Слезам предался он солёным,
Стерпеть он зависти всех мук

Не смог и резко обозлился,
Сказав, что Вос теперь не брат!
Не будет ввек с ним компромисса,
Дружить с ним больше он не рад.

– Но мне дала листочек мама, —
Ответил Вос, – вот он и мой.
Не отдавал с того упрямо.

Вот на него Зап стал и злой!

И затаил тому отместку,
И делал Восу всё во вред
Исподтишка, да часто резко,
И угомонности в том нет,

Хоть иногда, забывшись в играх,
О мести всё же забывал,
Но лист увидев Воса, в Тигра
Вмиг обращался, дружбой мал.

И вновь ярилась в Запе злоба,
Что не давала даже спать:
– *«Ты враг мой, Вос, теперь до гроба...»*
Шептал он, мучивши кровать...

И ждал удачного момента,
Чтоб вылить пакости ушат
Заместо братского привета,
Толкнуть желая Воса в ад.

А так играл, явив личину,
Как зверь, готовившись к прыжку,
Скрывал улыбкою кручину,
Готовясь к подлому грешку.

Но Вос счастливый был, наивный,
Коварства в Запе не открыл,

И в играх всех с ним был активный,
И Зап ему казался мил,

Пускаясь в действия бесшабашно,
Входя в безудержный азарт,
Взбредёт копь, даже и бесстрашно,
Всё новым играм давши старт!

Ведь игры – жизни то познание,
Необходимость позарез,
Дают ведь опыт, навык, знания
И раскрывают мир чудес!

И не унять им этой жажды,
Чуть не по ним, – вмиг в плач и в крик!
Зонты без спроса взяв однажды,
В горах на высший влезли пик,

Земной он выше атмосферы,
Вонзился в Космос, как копьё!
Они – Ура! – здесь пионеры,
Хоть здесь живому не жильё,

Но есть за пазухой, в карманах
Запасы воздуха: дыши!
Ах, прыгать вниз – то мёд в их планах,
Ах, как смышлёны, хороши!

Чтоб, не теряя ни минуты,

Зонты те мигом пораскрыв,
Как будто это парашюты,
Вниз прыгнуть враз – ах, душ порыв!

И так бы было, между прочим,
Слетали б, может, к пяткам гор,
Но тут узрели деток очи,
Что вокруг... невиданный простор!
Он необычен и огромный,
И простирался без конца!..
Вокруг взглянули! План нескромный
Возник у каждого юнца:

Войти в него без проволочки,
Пощупать Звёзды, поиграть,
Их ярок свет средь вечной ночки!
И про Отца забыли, Мать...

Не надо сна, не надо хлеба,
Коль фейерверк вокруг дивных Звёзд!
Замыслил каждый: «*Вот к ним мне бы!*»
И... вдруг Кометы видят хвост,

Он был пушистый и длинющий,
Что машинально – хватать его
Ручонкой каждый загребущей!
И... с ней от мира вон сего

Помчались вглубь и вглубь Вселенной...
Ах, братьям транспорт как хорош!
В полёте жизнь не видят брэнной,
А ту, в которой всласть поёшь!

Зонты ловили ветер Солнца,
Как паруса они, рули,
Тем скорость, путь им задаётся!
Судьба, ум братьев не хули.

К тому ж, они от метеоров
Прекрасно служат, от рентген,
Ведь тех коварен злобный норев,
Пронзают, жгут, как автоген...

Зонты спасают и от света,
Не ослеплялись чтоб глаза,
Спасают тож от фиолета,
Ну от всего, что как гроза!

Но от зонтов летят, как брызги!
С того и братьям не страшны,
Слышны их радостные взвизги
Средь бесконечной тишины!..

Сидят, как будто на лошадке,
У той Кометы на спине,
Все ощущенья дивны, сладки,
Да и как сказочны вполне!

Летят и буйно веселятся!
Красоты видит взор их зряч.
Да вдруг очнулись оба братца
И вон пустились в громкий плач:

– Хотим мы к маме, папе срочно!
Нас отвези, Комета, к ним,
Ведь пропадём без них мы точно...
И каждый, ужасом томим,

Хотел уж спрыгнуть вон с Кометы...
Да тут она и говорит:
– Вот долетим до той Планеты,
Чей чрез парсек увидим вид,

И там ссажу вас моментально,
Сама продолжу долгий путь,
Его нарушить криминально
Я не могу, в том бед мне – жуть...

А братья новому-то рады:
– Давай, быстрее нас довези!
И вновь веселия парады!
Ведь любы новые стези...

Что управлять вдруг перестали,
Комета сбилась вон с пути,
Умчась в неведомые дали!

От ДТП, ой, не уйти...

Но... Впереди, восстав от спячки,
Явилась Чёрная Дыра,
Огромный рот всё время в жвачке:
Вас проглотить, братва, пора! –

И пасть безмерную разверзнув,
С Кометой их втянула враз!
Влетели все в утробы бездну...
Обратно вылезти – не сказ.

Неслись, ой, с диким ускореньем!
В крошечной тьме, мрак страшный вокруг,
Крича всюду с остервененьем
От духа, тела диких мук,

Всё глубже втягиваясь в ртище,
Крутясь, как бешеный волчок,
Дыре ведь Чёрной были пищей,
Век аппетит её высок.

Терпенье было на пределе,
Ещё бы миг, и жизни нет...
О том подумать лишь успели,
Как вдруг узрели... дивный свет!

Комету выплюнула, братьев
Дыра та Чёрная в момент!

Но... в чуждом, глядь, они уж платье,
И уж младенчества в них нет...

Они уж юноши лихие,
Красой и статью – заглядись!
То диво Чёрной сей стихии,
И волшебства её то высь:

Влетит, кто молод, будет старше,
Юнцом кто втянут, – вмиг старик,
Кто некрасив, тот выйдет краше,
И это всё за краткий миг!

Конь будет выплюнут, как Пони,
А Пони – с Лошади уж рост.
Но вот Осёл не в сём законе:
Век измениться он не прост.

Не знали братья век об этом,
Их поразил друг друга вид,
Не льнут друг к другу уж с приветом,
Отпрянуть каждый норовит,

Ведь тот, напротив, незнакомый:
Опасность вдруг да принесёт?
Не будешь с дружеской истомой.
Дивятся, вширь разинув рот...

Но всё ж нашли друг в дружке сходство,

Обнялись, счастье ощутя!
Но различить их всё ж не просто,
И каждый прыснул, как дитя!

И вновь Комету погоняли:
– Где ж та Планета, что вдали?
На ней не будем мы в печали,
Гони, Комета, не шали!

Комета, транспорт их послушный,
Взвинтила скорость за предел!
С того полёт весьма не скучный,
Ей мчаться вдаль – её удел.

И вот Планета уж под ними...
Все трое крикнули «Ура!»,
Пути ведь были не простыми.
– Эй, тпру, Комета, сесть пора!

Та вмиг на облако и села.
Братишки вон с неё в момент!
Потом и с облака умело
Вниз – прыг! – на облаке уж нет,

Видны средь дерева уж кроны,
Вот по стволу спустились враз...
Пространств осилили препоны,
Довольны оба! Без прикрас.

– Побудем здесь, а папу, маму
Потом найдём, не впавши в плач...
И сдались буйства тарараму,
Пустились радостнейше вскачь!

Их по земле скакнули ножки:
Здесь, на Планете, чудеса
К ним будут ластится, как Кошки...
Пленила их всего краса.

Разинул братик каждый ротик...
На новизну бросают взгляд:
Век не видали сих экзотик,
С того и каждый очень рад!

Им всё б иметь, ну, как игрушки,
И забавляться день и ночь,
Верша беспечно поскакушки,
Дела гоня иные прочь!

Но пищу надо животишкам,
Терпеть уж было невтерпёж...
Ах, не хватало мамы слишком!
Но где же здесь её найдёшь?

Вкруг повертели головами
Да и завяли, как цветы:
Не добывали пищу сами,
В том не имели суеты...

От горя немощно осели
Да думы стали ворошить:
– Ужель пропали в самом деле?..
Но родилась ума всё ж прыть!

Ведь каждый не был, в общем, куклой,
Являл смышлёности ввек пик:
От папы слышали, что круглой
Земля является, тупик

На ней отсутствует, нет края,
Она, как мячик или шар,
И коль вперёд всегда ступая,
Не сбив настырности ввек пар,

Придёшь опять на то же место,
Вперёд откуда начал путь.
Ум не замешан был из теста,
А смог решенье вмиг раздуть:

– Давай пойдём мы друг от друга.
Туда ты, Солнца где восход,
А я – без Солнца где всем туго,
Вот, может, встретит пищу рот, —

Зап сделал Восу предложенье
И вмиг согласье получил.
Да как иметь иное мненье:

Найти б еду с всех дерзких сил!

И оттолкнув спиною спину,
Пути свои стремят уж вдаль,
Узреть быстрее б еды картину,
А сил для этого не жаль.

Вот так и сделали проворно
И друг от друга разошлись,
О счастье думая, бесспорно,
Что благ навалится им высь.

А коль округла всё ж Планета,
Так снова встретятся опять
И воссияют от привета,
Ведь встреча – это благодать!

Идёт-бредёт Зап и дивится
Обилью ягод и плодов...
Ну он, конечно, не тупица,
Ест, ест подряд и вновь готов!

В пути ведь было голоданье,
Ведь есть – поклажа снова сил,
Вот и являет в том старанье,
Вот и еду в пути косил...

Лик подобрел, живот раздулся,

И песни вспомнился мотив,
Уж осмелел и нет в нём труса,
Идёт, еды да прихватив...

И вдруг! Как вздрогнет от испуга!
Да и на корточки осел —
Пригнул так страх мгновенно, туго,
И задрожал наш Зап-пострел...

Глаза увидел он повсюду
Среди деревьев пышных крон...
*«Ой, вдруг я съеден кем-то буду,
Почто следят со всех сторон?..»*

Уж пелена в глазах от страха...
«Ах, кто б меня сейчас вмиг спас?!»
Промокла потом аж рубаха...
И видит щёлками всё ж глаз

Существ, невиданных доселе,
У всех их был один изъян
В их страшном взгляду грубом теле:
От бёдер вниз он Обезьян,
А выше их – людского вида,
Низ обуяла густо шерсть,
Верх гол, и в том его обида,
Что шерсти нет, лишь низу честь...

Кричат их облика дефекты:

Всяк только получеловек,
Что из уродов будто секты —
Таков развития лишь век.

Зап, как земля, вдруг содрогнулся,
Когда взрывается вулкан,
И превратился сразу в труса,
И замер, будто истукан...

Я повторю опять на ушко,
Взрастила братьев что в пути
Дыра та Чёрная-пастушка,
От коей пасти не уйти.

Гроза она во всей Вселенной,
Но и пустила братьев в рост
Своею техникою генной,
Вот рост не впал их блекло в пост.

Стал вид их каждого мужчины,
В него из деток превратясь,
Прекрасно сложены и чинны,
Ну эталон как, без прикрас!

Да, Существа страшили Запа...
Но всё ж немного оклемал,
Ведь не тянулась злобно лапа
И ни одна Существ тех, вял

Не стал в момент, приободрился:
В нём высший разум. Человек!
Добьётся с всеми компромисса
И не ударится вон в бег.

И стал спокоен он, хоть внешне,
Ведь по развитию впереди!
Сообразительность – что клешни,
Попробуй, враг, к ним подойди!

– Здесь милый Рай! Еды навалом.
А как-то будет мне в пути,
С свехриском, может быть, немалым?
Зачем тогда мне вдаль идти,

Зачем мытарствовать, округа
Коль здесь богата, хороша?!
Знать, жить вольготно, а не туго
Придётся. Радуйся, душа!

Забилось радостно сердечко!
Шалаш себе соорудил,
Найдя прекрасное местечко,
Хоть применил немало сил.

А Существа с того дивятся:
У них такого нет как нет...
Но подойти – натура Зайца,
Её не прячут вон примет,

Не убежало ведь от взора,
Что братья прибыли с небес!
Вон удивясь такому скоро,
С того и смял их страха пресс...

А Зап продолжил рассужденья
И окончательно решил
Вдаль прекратить своё стремленье,
Не тратить попусту в том сил.

– Пусть Вос свершит всю кругосветку,
Пусть он, мытарствуя, бредёт,
Меридианов маяв отметку
И параллелей с ними сход.

Зачем в все тяжкие пускаться,
Из сил последних всё брести?
На горб пусть это ляжет братца,
Пусть он помается в пути.

Мой это вывод и решение,
Здесь, здесь я Воса буду ждать,
Пусть к цели силит он стремленье,
А мне и здесь сласть-благодать...

Какой же в этом я смышлёный
И славной хитростью ретив!
А ну, разлягусь здесь, под кроной,

Свой план ядрёный воплотив.

Я помню фиговый листочек,
Что Вос зажиллил, мне не дал...
Вот и помучайся, браточек,
Теперь... Какой же я удал!

А средь Существ испуга плети
Хлестали всех, бросая в дрожь:
– Ой, что-то ждёт нас всех на свете?
Небесный Бог, ты нас не трожь!

Вглубь вмялись в кроны с сильной дрожью:
Ах, что теперь, мол, всех их ждёт,
Быть может, кару встретят Божью?
С того за родом сгибнет род...

И оттого смотрелись куце,
Все позабывши вдрызг труды,
Деревья с ними в такт трясутся,
Слетают с них всюю плоды

И горкой высятся пред Запом...
– Не надо мне за ними лезть! —
С того воскликнул он вмиг залпом, —
Знать, воздают мне этим честь!

Знать, можно их держать вожжами,
Покорных будто, смирных слуг,

Ха! Стали ими сразу сами,
Знать, буду в мёде их услуг.

Вовсю от счастья трёт ладони...
— Весь за меня им делать труд.
Эх, заживу же я на лоне!
Суров же с ними буду, крут.

Занёс в шалаш себе подстилку —
Она перина из перин!
Блаженство создал сразу лику,
Вмиг утонул среди сна стремнин....

Звучал лишь только громогласный,
Всех будораживший вокруг храп,
Ведь план придумал он прекрасный,
Ведь сил своих он не сатрап.

Один бдит глаз, одно спит ухо
На всякий случай от беды:
Вдруг катавасий заваруха
Оставит жуткие следы?

И точно, слышит тайный шорох,
Сопенье, частый сердца стук
Кого—то уж... Воспрял, как порох!
И с всех своих проворных рук

Схватил проникшего в шалашик!

Им оказалось... Существо.
«Тебе не будет, знай, поблажек!» —
Вскричало Запа естество.

И то в момент упало камнем,
Дрожа от страха, перед ним
И целовало со стараньем
Стопы его, неудержим

Порыв сей был и истеричный,
Ведь Зап в глазах Существ – сам Бог!
И Существа удел критичный,
Рабом у заповых стал ног...

И тот стопу поставил тяжко
Вон на него и придавил.
И тот дрожал, дрожал, бедняжка,
Упавши духом, из всех сил...

Вмиг Зап связал его лианой,
К стволу покрепче привязал,
Тому враз жизнь не стала манной,
И он весь съёжился, стал мал...

Зап пригрозил суровым жестом,
Запомни, мол, теперь навек:
Ты раб, твоё здесь вечно место,
Чтоб не свершил ты вон побег.

– А впрочем, – вспыхнула идея, —
Задаром чтобы не кормить,
К тебе сочувствием радея,
В трудах всюю проявишь пруть!

С деревьев будешь аккуратно
Мне доставлять в шалаш плоды,
Да было чтобы мне приятно!
А то не минешь ввек беды.

Хоть Существо слова – загадка,
Но интонацию и жест
Он понял вмиг и стало сладко,
Что, вроде, Зап его не съест...

А потому служить обязан
Он будет Запу каждый миг,
В том доведя враз до экстаза
Себя, усилий взвивши пик.

Увидел Зап сию покорность,
От пут его освободил,
Имел ведь к умыслам наклонность,
И приказал тому, взвив пыл,

Чтоб тот принёс плодов и ягод,
Что Существо свершило враз.
Как хорошо!.. Нет Запу тягот.
Ай да ума в том высший класс!

– Но Существа лишь мне ведь мало,
Нужна мне слуг побольше рать,
Что захочу, чтоб доставляла,
Вот мне и будет благодать!

А Существа, узря, не съеден
Что их сородич, подошли
Все к шалашу, где на обеде
Был Зап, с блаженством невдали...

Остолбенел Зап от испуга,
Что вон на части разорвут...
Но машинально брани выюга
Вон разыгралась! Стал Зап крут!

Все ниц попадали моментом,
Поджали с ужасом хвосты,
Прощались все уж с белым светом...
Но Запа властные персты

Им приказали всем трудиться,
Чтоб навести порядок вокруг,
Чтоб не шалаш, а уж светлица
Их многочисленностью рук

Те возвели ему на радость,
А как построить, даст пример:
– Давайте больше, выше! – жадность

Его раздулась в сверхразмер.

Ломали ветки, крышу клали,
Стремились выслужиться все,
Их мышцы были крепче стали,
Шалаш вознёсся в всей красе!

Вошёл величественно, гордо,
Существ чванливо оглядев:
– Вот так, презреннейшая кодла,
Теперь жильё моё не хлев.

Но лишь разлётся, впав в блаженство,
Как Существа на крышу – скок! —
Так радость в них разыграла, детство,
Шалаш что сделали высок.

И... тот сложился моментально
И Запа тяжело придавил...
Все разбежались машинально,
Бояся Запа «божьих» сил!

Вот, мол, размечет грудю яро,
Вмиг кару всем им принесёт!
Но... кары нет взрывного пара,
И все с того, разинув рот,

«У-у!» – сказали, – Божество ли
(Что означал их возглас тот),

Не может выбраться он коли
Из-под руин? – И мысль-оплот

Их к шалашу всех подтолкнула:
– Не Божество, видать, чужак!
– Не страшен, зверь как и Акула.
– Да, да! Не Бог он, а слабак.

И все моментом порешили,
Вон Запа в ключья растерзать!
И не был б даже он в могиле —
Так злобно буйствовала рать!

Но выполз Зап всё ж еле-еле...
И дикий ужас волю сбил,
Ведь Существа, взъярясь, галдели
И приближались... Малых сил,

Не мог перечить сей лавине,
Лишь с содроганьем смерти ждал...
Вдруг! Слава случаю отныне! —
Метнулся молнии кинжал

Из тучи мрачной, задымился
Шалаш... и Гром всех оглушил!..
Гроза – Стихия, а не Киса,
Век устоять пред ней нет сил.

Все Существа с того упали —

Их так истерика взяла,
Бежать не смели с страха в дали,
Ох, как плачевны их дела...

Очнулся Зап моментом трезво,
Ведь дом его Стихия жгла,
Взяв ветвь горящую, тряс резво!
Свои поправив тем дела.

Ведь не упал, огонь не страшен.
А у Существ всегда боязнь
Среди голов пугливых башен,
Огонь им был, сама как казнь.

И все пред ним залебезили,
Лизали ноги, впав в экстаз,
Аж от усердья были в мыле...
— Провёл же ловко как я вас! —

Бодрил себя Зап восхищённо,
Здрав вельможно, чинно нос, —
Знать, буду властвовать законно,
С меня ж за всё век малый спрос.

Он прошагал по всем их спинам,
Вон отшвырнув иных с пути!
Смирил всех хитрости он клином,
Теперь ему век не прети!

Все Существа, огонь завидя
В его нежгущихся руках,
Все на оплошность вмиг в обиде,
И ярость сникла на клыках...

Враз Запау по сердцу всё это:
– За счёт их дури буду жить,
Она в них явная примета.
С того и действий Запа пруть!

Во-первых, он огонь лелеял,
Ведь власть то, быта благодать,
Со всеми с ними стал смелее,
Легко их стало подминать.

К тому ж, готовить можно пищу,
Не всё же время есть плоды:
– Вот на охоте я зарыщу,
И оправдаются труды!

И смастерил он лук из ветки,
И тетиву сплёл из волос,
Наделал стрел и стал он меткий,
А в цель попасть – уж не вопрос.

Набил он живности искусно
На вертел вмиг и насадил...
Ах, как же есть то мясо вкусно!
Он ел всё, ел, душою мил...

Но запивать еду ведь надо.
И он увидел Черепах...
– Их панцирь – миска! Вот отрада!
И вот они уже в руках.

Какой от жареного запах!..
Существ учуяли носы:
– Вот бы иметь такое в лапах!
Вмиг слюни–капли, что росы...

И все облизывали губы...
Ах, как хотелось это съесть!
Уж примерялись, было, зубы...
– П-шли вон! Не вам то эта честь.

Их прочь отшвыривал ногами!
И то закон. Их то удел.
Добыть огонь не знали сами,
Дичь жарить всякий не умел.

– Эге, за жареный кусочек
Смогу Существ я приручить,
Закрою волю на замочек
И отобью к свободе прыть.

Дай приручу их угощением,
Вон превративши напрочь в слуг.
Пусть на меня труд будет с рвением,

Вся тяжесть им, а я – без мук.

Зап отобрал из них сильнейших
И по куску закинул в рты.
Ажиотаж среди них, как Леших!
У ног ласкались, как Коты...

Он дал им в руки по дубине:
– Моё жилище вам стеречь
Исправно, бдительно отныне,
Не то башки сниму вон с плеч!

За промах тут же для примера
Пронзил растяпу вон стрелой!
Его правленья стала эра,
И он не жаждал ввек иной.

Он приказал построить снова
Себе жилище в краткий миг,
Их погоняючи сурово,
Что тех растяпства норов сник.

Каркас он сам возвёл, конечно,
А крышу крыли Существа,
Была постройка безупречна,
Подстилка – мягкая листва.

Зап вновь блаженствовал в жилище,
Имел величья ореол,

Владыка он, богат, все нищи,
Они пичужки, он Орёл!

А потому должны быть ниже
Его надменных, властных пят,
Чтоб мог смотреть на всех бесстыже,
Всласть своему главенству рад.

Он всех нагнул рукой Владыки,
На четвереньки постолкал:
– Стоять вовеки так! Великий
Я, знайте, силою удал.

И ввек подняться уж не смейте,
Не потерплю сродни голов,
Хлестать за то вас будут плети!
Не стал удар тех им уж нов...

Не разбрелись чтоб ненароком,
На них ошейники надел,
Их подчиненьем мучил строгим,
Ведь изуверства был он дел.

– Ну вот, отныне вы Собаки,
А, значит, вам пускаться в лай!
И что? Залаял тут же всякий.
– А ну, хвостиками виляй!

И всех хвосты уже трясутся...

Ведь наказание не спит!
И все с того глядятся куце —
Такой заморышей стал вид...

Ах, как стерпеть им оскорбленье?
Как компенсировать позор?
На ком зло выместить? Стремленье
Начать друг с другом, может? Спор

Да перейдёт потом уж в драку
И в жесточайшую грызню,
В злодейства впавши забияку,
Тем подложивши всем свинью?

И вот уж вспыхнула вмиг ссора,
И в ход пустились зло клыки!
Уж не одна грызётся свора,
Летят лишь шкуры вон клочки!

– Давай! Грызись! Мне это кстати,
В грызне вы вечные враги,
Не видя брата даже в брате,
Так дел спечёте ль пироги?

Нет! Будет разобщённость,
Знать, силой ввек не обладать,
Знать, мой приказ – всегда законность,
Грызня всем вам, мне благодать!

Так с каждым справлюсь я отдельно,
Вновь на цепь быстро посажу
И буду властвовать удельно,
Пуская в ход, чуть что, вожжу!

Так было, ибо озлобленье
Друг к другу разум унесло,
Прочь в стаю общую стремленье,
Грызня всех стала – ремесло.

А цепь вселяла в них жестокость,
Входили злобно, яро в раж,
А то единства недалёкость,
Грызня грызни рождала стаж.

Приказ ходить на четвереньках
Их руки в лапы превратил
И рост уменьшил коротенько,
Но шерсти рост усилил пыл,

И вид Существ стал допотопный
С обширной шкурой меховой —
Так рост её был расторопный,
Вдруг все с собачьей головой.

Речь примитивная, став лаем,
Округу всю бросала в дрожь,
Была подвластна этим стаям,
Вид стал пуглив всех, нехорош.

Одни Собаки сторожили,
Брал на охоту Зап других,
За зверем мчались те, аж в мыле,
Хватая этих и других!..

Но Зап съедал один добычу,
А им бросал одну лишь кость,
«Фас! Взять!» Внимали мигом кличу,
Команда в них рождала злость,

И каждый рвал другого яро,
Чтоб этой костью завладеть,
Была чудовищною свара!..
— Вот так и будет с вами впредь! —

Им Зап, в кулак смеясь ехидно,
Довольно руки потирал.... —
Век жить так будете все гнидно,
Мой это радости аврал!

Но есть конец всему когда-то,
Вот и еды иссяк запас...
Зап не терпел такого пата,
Он вокруг нацелил хищный глаз:

— А вокруг Существ других владенья,
Обилье пищи, чудо-снесь!..
Замыслил ею завладенье,

И той, и тем владеть бы впредь!

Псов натравил он моментально
Тех превратил Существ в рабов,
Богатства грабил криминально,
Ел, ел, как будто сто зобов...

На четвереньки встать дал право,
Ошейник шеи их сдавил
Сильнее мощного Удава,
А цепь лишила воли, сил...

Так расширял свои владенья
И вволю хапнутое ел,
К еде имея алчно рвенье,
Иных не зная в жизни дел.

Тож научил Существ тех лаю,
Их обуяла тело шерсть,
Жизнь не добротна стала, с краю,
Свободу личности и честь

Искоренил до основанья,
Во всех вселён был Пёсий нрав,
И каждый выл от голоданья
И не имел на всё уж прав.

«Гав! Гав! Гав! Гав!» – объём всей речи,
Натура – всех вокруг вон терзать!

Загрыз – душе вмиг много легче,
Аж до хвоста мёд-благодать...

Лишь кость им плата за деянья,
Был каждый бит, коль не строптив,
Вот их и пыжилось старанье,
Друг перед другом сверхретив!

И все на привязи сидели,
Зап дёрнет привязь – знать, бреши!
Рычанья, гавканья метели
Крутились яро, от души!..

Их в этом смысл существованья,
Они рабы и палачи,
Даривши Запу лобызанья,
В разбое были силачи,

По существу же, просто шавки,
Прикажет Зап – им то закон,
Пример покажет для затравки,
Взъярясь жестоко, как Дракон!

И так все дни, ночами пуще,
Манили земли где-то ведь,
– Ах, там, как Рая, чую, кущи,
Их надо б в клетки запереть —

Шептали Запу это слухи,

И он наматывал на ус,
Тех далее жаждал вмиг разрухи
И пить их кровь, как будто Гнус,

Там ведь несметные богатства,
Жизнь, обеспеченная всем,
Там меж собой вовеки братство,
А неурядиц нет совсем!

И, вроде, там вершит правленье
Такой, как он же, Человек
Там благ, Свободы озаренье,
Счастливым жизни каждый век.

– А наделён ли Край тот силой,
Передо мной чтоб устоять?
Ха—ха! Попотчую могилой,
Ведь беспощадна Псов в том рать!

Он на Восток взметнул взор алчно
И зубы с скрежетом вон сжал,
Сжевать тот Край желал он смачно,
Вонзил б, имея, сотни жал!

И вмиг склонился он над планом
И истерично всё шептал...
Он будет там вельможным паном,
Сметёт ту силу, будто вал,

И будет пуще в звёздной славе,
– Пусть мощь признавши, всяк падёт!
Коварство дел – в его то нраве.
Всё строит планы наперёд...

А нам о Восе вспомнить надо,
Вдаль путь его тяжёл, далёк...
Ах, как душа была бы рада,
Найти, искал что, коли б смог!

Он шёл решительно всё в дали
От Запа, ширя твёрдый шаг,
Пока с надеждой, без печали,
Собравши мысли все в кулак...

Нацелен взгляд вперёд далёко,
И каждый звук влетает в слух,
Идёт, не чувствует зла Рока,
Судьбы превратной оплеух...
И вдруг! Он обмер от испуга:
Его сверлила уйма глаз...
А вдруг они совсем не друга?
Вмиг дрожь пустилась в перепляс...

Забилось бешено сердечко!
Со лба потёк холодный пот...
Вос, как пред Волком, стал Овечкой:
– Ах, пропаду я вот-вот-вот...

...Глаза из крон глядели жутко,
Неясный был там шепоток...
Была опасности побудка,
Вот—вот и Вос уж канет в шок...

Но нападения нет в помине,
А в кронах кто-то мельтешит...
С того и в Восе нет гордыни,
Но настороженный всё ж вид.

Вдруг треск сучка раздался звонко!
Из кроны выпал кто-то враз,
Был на земле в мгновенье ока,
И воплей гамма раздалась!..

Вскочить он на ноги старался,
Но те не слушались его,
Хоть проявлял стремленье аса,
Не исполнялось ничего...

Вос поражён его был видом:
Ведь это получеловек,
Какой вовеки им не видан!
От жути Вос в момент померк...

Тот от пупа и до макушки,
Как в бане, был вон обнажён,
Торчали, голые же, ушки,

Здесь человеком был-де он

Со всей присущей, знамо, честью,
А от пупа до пят лохмат
Ведь низ густою, пышной шерстью
Звериной дикой был богат.

Стонало Диво, тщась подняться...
И к Восу жалость вдруг пришла,
Он пожалел его, как братца,
Того ведь тяжкие дела...

И он с опаской, напряжённо
К нему направил тихий шаг...
Отпрянул тот насторожённо,
Но встать же всё не мог никак.

Вопрос Существ летел из кроны:
Вос не опасность ли несёт?
А Существа страдали стоны,
Ведь Воса дал им небосвод,

Знать, Божество он и всесильный,
Он может жизни порешить!
Ужели в мрак войдёт могильный?
И Существа поникла прыть...

Вос осмотрел его с опаской
И вывод сделал: вывих стоп.

И вправил их моментом с лаской,
Ходил бы, прежде как, тот чтоб.

И Существо вмиг оживело,
Пустилось радостнейше вскачь!
К ногам припало Воса смело:
Мол, ты не страшен, не палач.

«У-у!» – всё вторил он надрывно,
Целуя Воса стойки ног...
И в кронах шум прошёл активно,
Мол, Бог затучный съест не смог!

– Ну всё, иди, браток, излечен.
Но не казал к тому тот прыть,
А к Восу был весьма сердечен,
Не собирался уходить,

Ходил за ним, как будто тенью,
И всё глядел ему в глаза,
Был рад донельзя исцеленью,
Катила счастья всё слеза...

– Ну вот, окрепнешь, в даль-дорогу
Отправлюсь после я опять,
Осилю путь вновь понемногу,
А за задержку Зап ругать

Не будет, думаю я, право,

И в график, трудно хоть, войду,
Здесь ведь недолгая застава,
Моя в том совесть на виду.

Пока он мыслил так далёко,
Все Существа к нему из крон
Спустились, лыбяся широко,
Аж не успел опешить он,

Кольцом его все окружили
И завели вокруг хоровод...
– Ой, не потащит ли к могиле
Меня беснующийся род?..

Но те кружили всё, кружили...
Потом моментом пали ниц!
Знать, подчинились Веса силе,
Улыбка с их слетала лиц —

Так восхитились исцеленьем,
И что отсутствовал в нём гнев.
И задались в его честь пенью:
То восхваленья был напев.

Нет, Существа не истуканы,
К добру любовь их высока,
Хотя и полуобезьяны
И полулюди всё пока,

Ведь Божеством с небес признали:
Безукоризненно могуч!
И Вос не стал с того в печали,
И вмиг свалился с страха круч.

Он рад такому стал живому,
Как хорошо: не одинок!
И ощутил с того истому,
Воспрял вмиг дух его высок!

В ответ дарил им всем улыбку
И всех приветствовал рукой!
Вместил Надежду мило в зыбку,
Что с ними в дружбе он большой

Отныне будет непременно,
И жизнь прекрасная придёт,
Пред Злом не встанет на колено,
А к счастью ринется в полёт!

Не сформирован их, что плохо,
Вид человеческий пока,
Впал в плен сочувствия он вздоха...
«Помочь! – идея высока, —

Быть может, были мы такими,
Из шерсти выбраться стремясь,
Пока не стали вдруг нагими,
Начав с себя смывать вон грязь

И влезши в пышную одежду,
И обувь стала частью ног,
Ум выбил напрочь в нас невежду,
В дела для благ пленить нас смог.

Теперь мы в творчестве, в расцвете,
И грандиозен планов груз.
Как далеки от нас все эти,
Как пред учёным карапуз...

Зрят Божество во мне затучье,
Боясь, но чувят доброту,
Нет, не покинули всё ж сучья,
Но мысля жизнь уже не ту.

Как им помочь в людей развиться?
На это время надо, срок.
Облагородить как их лица,
К Прогрессу как стремить шажок?

Я б в это дело с головою!
Не разорвусь вот, мне ж идти,
Жилища нету надо мною,
А впереди – всё даль пути...

Пока ночую я под небом,
Застанет где меня вдруг ночь,
Сырым питаюсь, а не хлебом,

Ах, как его я съесть не прочь!

Плоды и ягоды срываю,
Охота супа, каши, щей,
От них уж срок который с краю,
Стал от мытарств в пути тощей.

Невольный пленник стал я Запа
Идти один еду искать,
Указ его уму суть кляпа,
Ах, ждёт меня ли благодать?

Я не допетрил что-то сразу:
Ведь благодать там, на Земле,
Зап сотворил, должно, проказу,
Видать, в её он был седле.

Зачем он выдумал такое,
Меня, что ль, видеть не хотел?
А я иду и нет покоя.
И вот среди Существ я тел.

Что дать смогу им от себя я,
Чему для жизни научу?
Помочь – обязанность святая,
Зажгу в них опыта свечу.

А для сего встать надо станом
На этом месте и сейчас,

Затея будет хоть капканом,
Хоть тягот будет перепляс.

Но для сего жилище надо
И обустроенный в нём быт.
Шалаш, конечно, не отрада,
Не прочен, долго не стоит.

Знать, должен дом лишь капитальный.
А вот и глины тьма кругом!»
Задор зажёгся вмиг запальный,
И начал строить Вос уж дом...

Он в глину воду лил, ногами
Её прилежно всё месил,
Формировал кирпич руками,
Нет, не жалея в этом сил.

И кирпичи все – заготовки
Под солнцем жарким иссушал,
В том не отнять его сноровки,
Стал кирпичей объём не мал.

Но им нужна всегда закалка,
А то огонь лишь это даст.
– Годна, конечно, в этом палка,
Но сей процесс весьма зубаст.

И вспомнил он обычай древний:

Лишь стоит камушки найти,
Название их повсюду «кремний»,
Они к огню ведут пути.

Скользнул одним он по другому
И высек искры в тот же миг,
Зажгли те мох сухой, истому
Души повызвав. Дикий крик

Существ раздался! Мигом в кроны
Утрамбовались все в момент,
Тряслись от страха, взвились стоны:
Огонь им – страшный элемент,

Его ведь ведали природу:
Их шерсть палил и кожу жёг,
Вот почему к огню-соседу
И не несли отрадно ног.

Манил их Вос, крича, и жестом,
Те глубже лезли в гущу крон,
Была спасительным им местом,
Огонь же нёс всегда урон.

Как объяснить, что он полезный,
Цивилизации огонь?
С ним дел наделаешь до бездны,
Хотя рукою и не тронь!

Он ото огня не отстранялся,
Стоял, довольный, гордый близ,
Являя храбрости всем аса.
Но у Существ к огню – каприз...

Тогда поймал силком он птицу
И вмиг обжарил на огне,
Ах, запах дивный к ним стремится,
Их взбудоражил всех вполне!..

Подал жаркое им на палке,
Те, осмелевши, стали есть,
Враз опасенья стали жалки:
Огню, еде и Восу – честь!

Спустились, Воса обступили...
Он разложил вокруг костры,
Те кирпичи в своей всей силе
Уж обжигали, сверхшустры...

Все кирпичи калились стойко!
И каждый вскоре зазвенел.
И началась жилья постройка...
Но Существа лишь не у дел.

Покрылась крыша черепицей,
Вознёсшись гордо выше стен!
Назвал строенье Вос «светлицей»,
Всех стен отсутствовал вкось крен.

Вос поманил Существ: «Войдите!»,
Вишь, строить люди, мол, спецы.
Вползи с опаской те, без прыти,
Набьась как в бочку огурцы...

Вспорхнуло эхом восхищенье:
Не видел их такое глаз,
«У-у!» – бурлило вокруг галденье...
Мозги пускались в перепляс!

Горшки дала и миски глина,
А славный их огонь обжёт,
Гляделись дивно, как картина,
В них суп варить и есть Вос мог.

Увидев горную породу,
Руду нашёл, стал в том удал,
Разбил её, и пламя сходу
Из той руды дало металл.

Из глины Вос наделал формы,
И в них металл залил струёй,
Всё аккуратно, не сверхнормы,
Чтоб не обжечья, вскрикнув «Ой!».

Отлился нож, топор и ложка,
И наконечники для стрел —
Их ждёт охотничья дорожка.

В охоте Вос весьма умел.

Он угостил Существ всех супом,
Такого всякий не едал,
Всё каждый съел, не бывши глупым,
А изумительно удал!

Хотя горячего сначала
Боялись, рот ведь обжигал!
Но приспособились удало,
Ах, аппетита был же бал!

Все Воса всласть обожествляли,
И вот уже молва о нём
Летела птицей спешно в дали!
И восхищенье всех огнём.

Но с Существами как сдружиться,
Дать человеческую речь,
Вдруг в обученье все тупицы?
Но надо, хоть костями полечь!

Он, пальцем в грудь себе всё тыча,
Своё им имя повторял,
Мол, всем вам друг я верный нынче,
Пусть будет речи ваш аврал.

– Не быть в ученье вашем сраму,
А научу во всю-то прыть,

Что ловко , «мама мыла маму»
Смогли сейчас же повторить!.

Ученья вечно слава храму!
И всех вознёсся вмиг азарт
В их крике: «*Рама мыла маму!*..»
И обученью каждый рад!

– На четвереньках вам негоже
Ходить, как будто ходит зверь,
Покинуть надо крон всех ложе,
Пора открыть в жилище дверь.

Те встали хлипко: непривычно!
Шажочек сделали, другой...
И восхитились в счастье зычно,
И встали прямо, не дугой.

И все затопали на месте,
Вдруг диво в жизни ощутив,
Воздали Восу уйму чести,
Был каждый радостен, ретив!

– Вам на деревьях жить довольно, —
Тут Существом воскликнул Вос, —
Жить на земле весьма привольно,
На ней Прогресс свой взметет нос!

С землёй сдружитесь–ка, покрепче,

Она всей жизни благодать,
По ней войдёте в Завтра легче,
Она в развитии вам Мать.

Чтоб на земле жить капитально,
Иметь жилище надо всем.
А ну, давайте все аврально
Дома построим. Нет дилемм!

Копайте глину, лейте воду
В неё и резвостью двух ног
Её замесим, чтобы сходу
Всяк кирпичей наделать смог.

Огонь поможет в этом деле,
Из них мы стены возведём,
Хотя доселе не умели,
Покроем крышу, будет дом.

...Месили глину все в охотку,
Формировали кирпичи,
От счастья драли в песнях глотку,
Да все в усильях горячи.

Им Вос показывал, как надо
Жилища стены возводить,
И в этом им была отрада,
Жильё рождалось в всю-то прыть!

Дом для семьи стоял отдельно,
А группы их уж занял Род.
Трава лежала в них постельно,
Был стол, скамейки и комод.

И душу радовала печка,
На ней почётно – стан горшков.
Задумка Воса – не осечка.
От примитивности оков

В Цивилизацию пустила,
Дала надёжный, милый кров.
И Существом всем стало мило,
Их вид не стал угрюм, суров.

Но надо, знамо, пропитанье.
Вос из металла сделал плуг,
И дикий Бык во всё старанье
Земли простор вспахал без мук.

Смотрели все на это диво,
И каждый мило восхищён!
Тьму колосков взрастила нива,
Она ждала ведь сих времён.

Все сообща зерно смололи,
А Вос уж хлебушко испёк.
Кто в хлебоборобной стал тут роли,
Не грея печкой ленный бок,

А кто оформлен в садоводы,
Кому-то люб стал огород,
А чей азарт тянули воды,
В рыбацкий выродился род.

Кому металл вдруг стал по нраву,
Тот с ним работал, с ним и жил,
И получал за это славу,
Ведь с ним огонь был ласков, мил.

Ну были также и иные,
Кто увлечён охотой стал,
Определилась часть в портные,
В животноводстве кто удал.

И Вос втянул их всех в ученье,
Давал разумный же совет,
С того и стало их уменье
И в головах на всё рассвет.

Охраны создал он дружину,
Чтоб дать врагу всегда отпор,
Вручив отменную дубину,
Чтоб выметать врагов, как сор.

И занимался каждый делом,
Что был любим и от души,
Плодом явился труд их спелым,

И всех успехи хороши.

И тем отбилась вон охота
Уж на деревья стадно лезть,
Нужду отбила в том работа,
И то Прогресс, за это честь!

Но все гляделись неприглядно,
Не превратившись всё ж в людей,
С того и было всем нескладно.
И Вос сочувственных идей

Опять был, им добра желая.
Развёл отары он овец,
Их шерсть, известно ведь, густая
Существ изменит вид вконец.

Из шерсти нить ссучил, вязанье
Явило спицами уж тканьь.
Заботы было то пыланье,
Вид человеческий, предстань!

Связал им каждому рубаху,
Мужчинам, ясно, всем штаны,
Они поддались было страху,
Природы дикой ведь сыны.

И часть их нижнюю, что в шерсти,
Прилежно, ловко всем обрил.

Все достижение это взвесьте:
Вид, как людей, их стал и мил.

Друг перед другом щеголяли,
В воде свой образ подглядев.
Одежду женщины (все – крали!)
Надели, песенный напев

Летел из уст их, лучезарен,
Им по душе сей моды вид,
Они не дикие уж твари,
И восхищенье в них не спит,

На них всех кофточки и юбки,
И волосатый низ исчез,
Ах, все красавицы-голубки —
То обаяния замес.

В труде азартном и натужном
Отпал у каждого вон хвост,
Он оказался ведь ненужным,
Теперь его был вечный пост,

Ну как реликвии, на стенке,
Висел, как память, на гвозде.
Из кожи обувь, в ней-то стельки
Под стопы, в ней ходи везде!

Вос поборол в них разобщённость,

Сплотил их в крепкий коллектив,
Во всех деяньях – лишь законность,
Коль честен, карой не пуглив,

За зло вот вмиг придёт расплата
И справедливый, правый суд,
И честь позором будет смята,
Укор же праведен всех, крут.

Все подчинялись слову Воса:
Он Божество, он всемогущ,
В глазах их вид его – Колосса,
Взгляд был за ними вездесущ.

Он создал органы правленья,
Чтоб планы строить, любо жить,
Чтоб все хозяйственные звенья
Являли деятельности прыть,

Чтоб труд оправдывал затраты
И создавал премного благ,
Чтоб были все и всем богаты,
Не попадали вдруг впросак.

Труд установлен коллективный,
Всё достояние – для всех,
Порыв в труде был всех единый
И потому являл успех.

Все не терпели разгильдяйства,
Не ждал ввек лодыря почёт,
Обогащалось всем хозяйство
Из года в год, из года в год.

Вос обучал их всех ремёслам,
Своей он грамоте учил,
Познания выглядели взросло
И придавали много сил.

С того и радостны все были,
Хотелось впредь им так лишь жить,
Ковался дух в труда горниле,
Успех усиливал всё прыть.

Друг перед другом каждый равен,
Век ни над кем засилья нет,
Прийти мог каждый равно к Славе
И равный же держал ответ

За все порочные поступки,
Ведь Совесть строгий им Судья.
Цвело искусство и науки,
Азарга вдаль плыла ладья.

Образовалось Государство,
Всеобщим Воса стал язык,
Но чтили свой всегда и часто,
Ведь на него Запрет свой крик

Нет, не обрушивал ввек хлёстко,
Родному был всегда почёт,
И не жилось с того всем жёстко,
Вот жизнь и радостно течёт.

Конечно, было Руководство
Во всякой отрасли труда,
Но не впадало в чванство, скотство,
Нет привилегий никогда,

А вот ответственности много
И за провалы строгий спрос,
Ведь захламляется дорога,
Прогресс не мчится с всех колёс...

Цветёт Порядочность в всех душах,
Коварства, подлости же нет,
Честь не пятнает чья-то туша,
Не гасит славы чьей-то свет.

Всех перед всеми ввек отчётность
И рвенье выполнить свой долг,
Проверка также на пригодность,
Вопрос себе: а будет толк?

По всем проблемам были Сходки,
Где всякий вольно обсуждал
Без лести, умысла иль плётки,

В труде как встать на пьедестал,

Чтоб было лучше всё и больше
На благо каждого лица,
Чтоб жизнь была их всех хорошей
Сегодня, завтра, без конца.

Сплотило всех их Единенье,
Оно несло всегда успех,
На лучших лишь всегда равненье!
Идти же против всех – ввек грех.

Контроль строжайший был в расцвете,
Он Кормчий в праведном пути,
Пред ним был всякий ввек в ответе,
Прочь от него не мог уйти.

Полезность обществу – мерило,
Оценка действий всех людей,
В труде совместном мощь их, сила,
Величье общности идей.

Не вседозволенность поступков
И непощение вреда,
Сердца в совместных только стуках,
На всех и радость и беда.

Все жили с верой в Завтра чудо,
Не будет каждый, как отброс,

На фоне всех не как Иуда,
Не будет сброшен под откос.

Мечты сбывались непременно,
Свободны все, неведом страх,
Речей всех суть ввек откровенна,
Поддержка всех во всём, не прах.

Все демонстрации, парады —
В честь достижений, планов всех,
Все в ликовании, все рады,
Всё будет явью без помех!

И было Творчества величье,
Оно являло уйму благ,
Всё будет Завтра, коли нынче
К нему стремится мудро всяк.

Да вот их мудрости образчик:
Гигантский вывели цветок,
Носил что имя Одуванчик,
Легко взлететь что каждый мог

Враз, ухватившись за семя
Его, а вдаль уж парашют
Вон уносился ветром, бремя
Мило такое, ведь без пут.

И радость всех летела эхом

Во все вокруг земли концы,
И там дивилися успехам...
И вот оттуда уж гонцы

Спешат сюда с заветной целью
Принять их племя или род,
Покинув крон дичайших келью,
Под Государства милый свод.

И низко кланяются в пояс,
И слёзы горькие всё льют,
И за отказ уж беспокоясь,
Ах, как же люб им здесь уют!

Но не отвержены посланцы,
К их племенам презренья нет:
«Возьмём!» И те пустились в танцы,
В глазах зажётся счастья свет!

И были приняты округи
В сей государственный состав
Чистосердечно, без натуги
И с полнотой законных прав,

Как братья все, и лишь на равных,
Крепчайший спаян был Союз
На твёрдых принципах гуманных
Для братских искреннейших уз.

Вос их от пояса до пяток,
Как прежних, тоже всех обрил,
Мужчин и женщин, и ребяток,
И вид с того их стал вмиг мил...

Они, дивясь, не узнавали
Друг друга, тоже и себя,
И изумленье мчалось в дали,
Существ всё новых теребя...

Вос снова в роли был портного,
И их в одежду всех одел,
Что было чудно им и ново,
Уж все в азарте новых дел,

Пройдя серьёзно обученье
И специальность получив,
Помочь им – было всех стремленье.
В ученье каждый был ретив

И применял в труде все знания,
А потому ввек «делал» план
И все осиливал заданья,
Не быв, как лох иль истукан.

Им по душе труд коллективный,
Продукт высоким выдавал,
А то доход, конечно, львиный,
Ведь в деле каждый был удал,

Квалификации отменной,
С того и дело мчалось вскачь!
Жизнь не казалась тяжкой, брэнной,
Умён был каждый и силач.

Жильё построено всем новым,
Да всё из брёвен, кирпича,
Был быт достойным и толковым,
Скорбь не давила ввек плеча.

Никто не вырвал им родного,
Природой данной, языка,
Был Воса общим – то основа
Общенья с всеми глубока,

Явил он им навеки общность,
В семью единую сплотил,
В делах и духе дал им мощность,
Придал спокойствие и сил.

Меж всеми тесные контакты
Осуществлялись чрез гонцов —
То голубей – и это факты,
Ведь нет надёжней их спецов

По части почты всем доставки,
Они летят всегда стремглав,
На ветер делая поправки,

Всяк упрекнуть их в том неправ.

Вот и меж всеми были связи,
Быв в курсе всех событий, дел,
И от неведенья в экстазе,
Не мчались в паники удел.

Им было в жизни всем прекрасно,
Вос – лидер их, товарищ, Бог,
С ним всем во всём всегда всё ясно,
К нему порыв их душ глубок,

Его словам всегда внимали
И с восхищеньем шли за ним
Вовек в счастливейшие дали,
Ведь почитаем Вос, любим

За ум, любовь к ним, благородство,
Что он мечтатель, практик смел,
Все на него желали сходства,
Ведь был ваятель дивных дел.

С того и жили окрылённо,
Свою судьбу верша своей
Рукою твёрдо неуклонно,
Чтоб с каждым днём была милей,

Что петь от радости хотелось,
В азартный ринувши вдруг пляс!

Давала общность их всем смелость,
Большой продукции запас.

О достижениях мчались слухи
Ко всем вокруг, ум восхитив,
Такой хотелось же краюхи
Тем счастья, благ высок прилив.

О Восе слава вокруг витала,
Что это он всё сотворил,
А вместе сделали немало,
Летели в Завтра с быстрых крыл!

Дошли до Запа эти вести,
Он тлел в догадках: может, брат?
А вот ему не видно чести...
А потому он зол, не рад,

А укреплял самодержавье
Своё жестокостью своей,
Загнал Существ совсем к бесправью,
Не дав развиться им в людей,

А превратив в Собак клыкастых,
Готовых тут же растерзать
Всех, вся, любое племя, касты,
Ведь были ярые, что тать!

Им конура была жилищем,
Все на цепи накоротке,
Презренной вида мы не сыщем,
Держал их Зап всех в кулаке

И с упоением глумился,
И истязал, жестоко бил,
Ощерясь в ярости, как Крыса,
И никогда к ним не был мил.

При виде Запа все дрожали,
Вмиг в конуры удрать стремясь, —
Так были все в его опале,
Ведь Божество он, грозный князь.
Вон избежать чтоб наказанья,
Виляли в страхе все хвостом,
А получивши указанье,
Вмиг жертву грызли всем гуртом,

Грызясь, вдобавок, меж собою,
Чтоб Зап с того их похвалил,
Всепомощь скулежу предавшись, вою
С всех подхалимских гнусных сил,

Боялись кары страшной, смерти,
А потому в усердьи все,
Хлестали их безумно плети!
В такой никчемной полосе

Своей томилися житухи,
В момент от страха замолча,
Вкруг Запа вились, будто Мухи,
Под градом мощного бича...

А тут и весть снесла Сорока,
Что есть, куда ушёл Вос, Рай,
Богатства высились высоко
Там, блага хлещут через край,

И все—то счастливы донельзя,
Людьми став, каждый сыт, одет,
Стремглавши в Завтра твёрдо лезя,
Над всеми Счастья милый свет...

И все туда бросали взоры,
Нюх наостря, разверзши слух,
Загрызть тот Край уж были скоры
И раздавить в нём всех, как Мух.

Все ждали только лишь команды,
Когтями землю яро рвя!
За счёт чужого жить все рады —
Инстинкт и цель всего зверья.

Но и взглянуть на Край охота,
Существованья знать бы суть,
Как, почему и отчего-то
Так жизни выстроили путь?

Что два паршивеньких Щеночка,
О том услыша разговор,
Как только лишь уснула Ночка,
Пустились тайно в весь опор

Туда, где Солнце всё восходит,
В тот Изумительнейший Край,
Где так прекрасно, чудно, вроде,
Ловить лишь блага успевай!

И всё ж, мытарствуя по чашам,
Достигли цели, найден Край!
Пред дверью звук их взвыл скулящий,
Боялись: мол, не покарай...

Но дверь им тут же и открыли,
Их внутрь любезно пропустив,
Те, с лап стряхнув тьму грязи, пыли,
Вошли легко, настрой ретив!

Никто – о радость! – не кусал их,
А улыбались от души!
Ведь Деток здесь любили малых,
Ничем их сроду не страши.

Вос по головке и по спинке
Погладил ласковой рукой,
И те без всяческой заминки

Блаженно влезли вмиг в покой...

Впервые стало так приятно...
Им на душе спокойно всласть,
В них ласка вспыхнула накатно,
Улыбку выдала аж пасть...

Вмиг стали ластиться уж к Восу,
Ведь ласка любя и пеньку,
Пусть не поддастся ввек износу,
А на своём цветёт веку.

И накормили худосочных
Едой отменной Щенков,
Впервые не было им сочных
За просто так дано пинков.

Лелеял каждый здесь их нежно,
Отмыл от грязи, причесал
С любовью искренней прилежно.
В делах здесь всяк универсал.

Впервые досыта наелись,
И разморил, увлѣк их сон,
И всё им Запа снилась ересь
И чудный мир не в унисон...

Проспали, вздрагивая часто
И очень жалобно скуля,

Три дня, забитая ведь каста,
Чей дом – открытые поля...

Очнувшись, стали благодарны
Всем, вся за ласку, доброту,
Что все подряд здесь не коварны,
Не приравнивали их к скоту.

И так светилися в восторге,
Была такая благодать,
Что вдруг Щенков помчались ноги
В Стан Запа, чтобы рассказать

О Крае дивном этом, славном,
Что жизнь отменна там, как сласть,
Пример, мечта другим он Станам,
Ничья не властвует там пасть,

А все равны и все свободны,
Не знают, что такое гнёт,
Во всём честны и благородны,
Стремятся в Завтра, ввысь, в полёт!

Жилища – роскошь! Стол обильный,
Никто ни в чём не обделён,
Умом и телом каждый сильный,
Не впала Совесть ввек в урон.

Но стали только лишь делиться

(А их внимала Псов уж рать),
В глазах у Запа зла зарницы
Сверкнули! Он Щенков вдруг – хватъ! —

Рукой за холки и жестоко
Швырнул на землю, ведь палач.
От боли те в мгновенье ока
Вошли в предолгий нервный плач...

Тут от Щенков узнал, что «Восом»
Главу зовут, и горд им Край.
Взъярился Зап, что злым Барбосом:
– За весть, что там прелестный Рай,

За ложь об этом, пропаганду,
Я Приговор несу Суда:
«Отдать Щенков вон пеклу Ада».
Стан – Рай вовеки! Край – бурда...

Побег из Стана самовольно
Мой пересекает вечно гнев!
За то смертельно будет больно,
В момент из жизни вон отсев.

И он скрутил Щенкам головки
И на костре, в пылу, испёк,
И бросил Псам: «Грызите, Волки,
То благодатный всем паёк».

И те набросились и съели,
Щенков аж кости проглотив,
Ведь голодны уж три недели,
Вот аппетита и прилив.

А Зап, услышавши восторги
О Крае том своих Щенков,
Точил ножи, топор, остроги
И злость чинил стальных оков,

На Край напасть чтоб вероломно,
Кто против встанет, тех убить,
У остальных всех поголовно
Отбить к Свободе напрочь прыть,

Рабами тут же обративши
И нацепивши кандалы,
С того навеки станут тише.
Не будет Края ввек хвалы.

– Я приберу его богатства
И развалюсь на властный трон,
Вот у Людей не будет Братства.
Я Повелитель и Барон!

Рабы мне будут все прислугой,
Меня и холить и кормить,
В трудах тяжёлых да с натугой,
Да не с прохладцем, а в всю прыть!

И посажу я на цепь Воса,
Зажилил фиговый листок,
Не давши мне, взглянувши косо,
Испил я горечи глоток...

Огонь взъярился отомщенья
За это бешено во мне,
Я жажду Воса истребленья!
Подвох любой пойдёт вполне.

За власть всегда в душе я воин,
А он ввек должен воевать,
Кто побеждает, тот достоин
В расцвете жить во всю-то стать.

Я – Бог. От этого не деться,
Все вокруг дрожи, воздай почёт!
А то задам такого перца,
Во рту огнём что запечёт...

Все мне лишь жертвоприношенья
И убажение – горой,
Разгул веселья, песнопенья,
Да каждый миг, а не порой!

Всё это Запу по натуре:
Ах, как легко ведь можно жить
На дармовщину, на халтуре,

С того пускаясь резво в прыть!

Глядишь, наметилось богатство,
Что приглянулось Запу вдруг,
Влекло его за яством яство,
Желая, был бы целый выюк.

Узрел своё он превосходство
И возомнил, что сам он Бог,
И потерял, глядь, благородство,
И совесть вон изгнать вмиг смог.

Зачем горб гнуть, растить мозоли,
Когда пройдошеский есть ум?
Лишить других он сможет воли,
Себе блаженств явивши бум.

– Я не прощу ему такого,
Меня он радости лишил,
Хотя просил его толково
От всей души, со всех-то сил,

Не поделился он по-братски,
Ему как будто не родной,
Ходил с листком всё залихватски,
Глумясь надменно надо мной...

Я разорю весь Край в отместку,
А самого пущу в рабы,

Пусть ощутит презренье резко,
Готовит нынче же гробы.

Зачем во поте всё трудиться
И этим блага создавать?
Знай, Вос, я вовсе не тупица,
Имею зверскую ведь рать,

Она богатства мне добудет,
Готова выполнить Приказ,
Падут во прах пред нею Люди,
Мы истребим подряд всех вас.

Рать изуверская, клыкаста,
К тому ж, смертельно голодна,
Ведь не кормлю её я часто,
На всех лишь кость всегда одна.

Вот потому они и в злобе,
У них она не под замком.
Вам всем, поверь, быть в их утробе,
Проглотят даже целиком.

Я им добычу обещаю,
А это стимул ой-ё-ёй!
Вот и конец настанет Краю,
Сотру, засыплю всех землёй.

Ну что, звериная вы свора,

Пора за злобный взяться труд,
Мысль о еде в грызне – опора
Вам, хватит лодырничать тут,

В Краю блаженство будет брюха,
Для пасти мясо тел и кровь,
И цель вас всех – всего разруха.
А ну, клыки точи, готовь!

Там все враги, нам не по духу,
Их, значит, надо растерзать,
Ребёнка, женщину, старуху,
Добра их схапать тут же кладь,

Мне принести, к ногам сложивши,
Ведь я дарю вам разбой,
В котором вам нельзя быть тише.
Фас! Фас! Вперёд пошли на бой!

Спустил с цепей. Те оголтело
Помчались к Краю, зло рыча!
Неслись все стайно яро, смело,
Ведь кровь разбоя горяча.

А Край не ждал сего коварства:
Добротна жизнь средь милых благ...
И вдруг несметная, клыкаста
Собачья буря! Это враг.

Со всех сторон Край обступили
И под чудовищный свой лай
В своём собачьем злобном стиле
Ввалились яростнейше в Край,

Ведь вокруг отсутствовали стены,
И рвались бешено уж вглубь,
Грызая Людей всех, как Гиены...
Кричал Зап: «Ярость не голубь!

Пусть будет Край сплошной пустыней,
Пусть горы жертв, и вы на них
С своей неистойвой гордыней,
Пусть будет Пёс в терзаньях лих!

Народ опешил, не готовый
Псам дать решительный отпор,
И на рубеж всё новый, новый
Уж отступал, хоть шаг не скор,

Своих, растерзанных, теряя,
Не мог им чем-то уж помочь,
Терял земли крупницы Края,
Но жаждал Псов изгнать вон прочь!

Но делал это разобщённо,
Был хаос действий, невпопад,
Но жить не смел закабалённо,
Но погибать за Край был рад,

Один аж с сворою сражался,
Был иногда непобедим,
Являл собой в отваге аса.
Да будет Слава ввек таким!

Но озверевшая вон Псина
Всё подминала Края ширь,
Была печальная картина,
Земля за ними – всё пустырь...

Казалось, Псы неодолимы,
И жизни Краю уж конец,
Ведь орды Псов неуправимы,
Уж тьма растерзанных сердец...

Добро хватали Псы безбожно,
Санкционирован грабёж,
Знать, убивать и грабить можно,
Кто больше, значит, в том хорош.

Скотину насмерть загрызали,
Вокруг напуганной был рёв,
Аж устрашал он Края дали
И сотрясал за кровом кров...

Добро несли в Стан вереницей
Натужно алчущие Псы,
Ведь Запу это пригодится,

От хмеля крови все «косы»...

Дома валили всей громадой,
Равняя вровень их с землёй,
Мчась в Стан с зловещею бравадой,
Грызя подряд всех пастью злой,

Вдрызг опьяневши от успехов,
В свою уверовавши мощь.
А у Людей в обрез доспехов,
Вот потому отпор и тощ,

Все иссякали напрочь силы,
Рука уж немощна была,
Тех пасти – ужасы могилы,
Ужель погибель? Эх, дела...

Почти пол-Края в растерзанье,
Зло жизни косит, как косой.
– Ужели все мы на закланье,
Так век трагично кончим свой?

А как жилось всем благодатно
За жизнь без страха, милый дом!
И не страшила горя плаха,
Не знали, будет что содом...

Семьёю жили, что Пчелиной,
Где взятки благ давал мил-труд,

К всем Счастье мчалось вскачь лавиной,
Была Свобода век без пут.

Дома стояли, будто замки,
Всего сверх нормы урожай,
Легки в труде всеобщем лямки,
Лишь пыл настроя не снижай!

И было небо голубое,
В нём Солнца яркие лучи!
И не был каждый век изгоем,
Имели в Завтра все ключи,

Вокруг приветливые лица,
Друг другу каждый друг и брат,
Как в изуверстве всем случиться,
За что был послан этот ад?

– Не отступайте, Люди! Стойте! —
Возвал измученных тут Вос, —
Дух сильным нужен нам на фронте,
Не пуд отчаянья и слёз.

Мы, Люди – высшее творенье
Природы – матери родной,
Усилим Псам сопротивленью,
Землицы пяди ни одной

Не отдадим им на глумленью,

Из Края вышвырнем вон прочь!
Иссякло ведь многотерпенье,
Долой над нами Смерти ночь!

На Псов дубины тратить, стрелы —
То много чести подлым им,
Давайте будем мы умелы,
С огнём по-братски, подпалим

Псов омерзительную шкуру,
Они огня боятся ввек,
Вмиг усмирят зверья натуру,
Со страха ринутся прочь в бег!

В объятя к нам придёт Свобода,
Прочь Смерть попятится с косою,
То будет Счастье для народа,
Блеснёт Край радужной красой!

Зажгите факелы поярче
И в морды Псов стремите жар,
В момент взъярятся уж иначе,
Впадут вмиг в паники удар,

Помчатся прочь все очумело,
Хвосты презренные поджав,
Из Края выгоним умело,
Народ врагов бить всех ввек прав.

Зажгли все факелы тут мести,
И обуял вмиг ужас Псов,
И нет когтей, клыков их жести,
И беспредел свой на засов,

Дрожа, закрыли моментально,
Помчались прочь, себя топча,
Воспрял Народ не номинально,
Победы радость горяча!

А Псы, зажжённые, пылали,
Прожглась их шкура до костей,
И в истеричном все аврале
Со всех безумнейших когтей!

Их плоть поджарилась довольно,
И запах яро возбудил,
И друг у друга плоть крамольно
Со всех голодных алчных сил

Вон вырывали уж кусками,
Азарт и ужас был в глазах,
Себя уже сжирали сами,
Вон дух весь сдулся и зачах.

Зап грозно пыжился лавину
Остановить безумных псин,
Но вовлечён в побега тину
Был сам, хотя и Господин,

Захвачен вмиг волной бегущих
И принесён на спинах в Стан,
Чем раздражённым стал всё пуще:
– Какой презренный псиный клан!

Не одолел он Края силу,
Его богатств всех не добыл,
Не по зубам Край псины рылу,
Как мяч, разбоя сдулся пыл.

Теперь зализывать все раны
Придётся век вам в конурах.
Видать, в Краю одни Титаны,
Что свору Псов разбили в прах.

Да, потерпел я поражение,
На Край безжалостно напав...
Но не угасло ввек стремленье
Край покорить, захват не прав

Пустить в трусливое забвенье,
Не получилось Край взять в лоб,
Я подлость рину в наступленье,
Чтоб загнала Край гнусно в гроб.

Терзать я буду постоянно
Край уймой подленьких интриг,
Змеёй всё жаля беспрестанно,

Чтоб стал он немощен, в прах сник.

* * *

А Край разрушенное снова
Рукою дружной возродил,
Всё лучше стало, краше, ново,
Ведь не жалел Край в этом сил.

Дома восстали ввысь из пепла,
Полей, садов вновь урожай,
И индустрия вновь окрепла,
Вселился в души милый рай,

Вновь расцвела цветком улыбка,
Стал в Завтра твёрдым снова шаг,
Дышалось вольно, а не хлипко,
И реял гордо Края стяг!

И песнь слетала с губ невольно,
Звала в безудержный полёт!
Была в труде жизнь и застольна,
Шаг планов дерзких всё вперёд!

Жизнь в благах всех и ароматна,
И все дружной, дружной живут,
И всем с того всегда приятно,
Над всем Главой был общий труд

Лишь постоянный, коллективный,

Он в высший ранг Людей возвёл,
Презренен тот, кто в нём пассивный,
Но величав, кто в нём как Вол.

И оборона крепла силой,
Чтоб сокрушительный отпор
Врагам всем дать, спасти чтоб милый
Свой Край, родной его простор,

Чтоб неба высь вновь дым пожарищ
Голубизны не скрыл вовек,
Чтоб не стонал Край, злобой жален,
Слезу не стряхивал чтоб с век.

От всех внезапных нападений
Край обнесли машиной стен,
Таких не знал мир укреплений,
Разор не страшен с ними, плен.

Грозны бойницы уймы башен,
В них наготове жала стрел,
Любой с того век враг не страшен,
Коль вдруг напасть бы захотел.

И все от мала до велика
Прошли военный нужный сбор,
Подвластны всем лук, меч и пика,
Свободу-мать, родной простор

Как защитить, знал каждый чётко,
В момент вставал в учебный строй,
Где монолитная походка
Несла уверенный настрой.

И честь воздали всем погибшим,
Имobelisks возвели:
– Спасли нас всех, Свободой дышим,
Хозяйство всё не на мели.

Конечно, трудностей немало,
Ведь экономики разгром,
Не всем всего ещё хватало,
Но шли невзгодам напролом

С великой верой в Счастье днями,
Вот в чём-то можно потерпеть,
Всего добиться лишь трудами,
С того и будут блага впредь.

Встречали радостно, едино
Очередной в труде успех,
С того и планов вновь лавина,
И радость искренняя всех.

...А Зап зализывал всё раны,
Лечил ожоги, синяки...
Но были планы беспрестанны
Захватов, даже велики,

Бесился он за поражение
И за успехи Края тож,
А потому являл стремленье
Всадить всё ж Краю в сердце нож.

Но Псам, презренным всем воякам,
Теперь совсем не доверял,
Ведь труса видел он во всяком,
Успех разбоя с ними мал,

Ведь оборона стала Края
Теперь на славной высоте,
Вновь станет бойня Псов такая,
Что в бегства будут маете.

И вот стратегия другая,
Как погубить Край, родилась:
Власть там такая, мол, сякая,
Вся диктатурна, не Карась,

А всех съедающая Щука,
А потому там нет свобод,
И жизнь отвратна всем и мука,
Да, да, там Власть, что живоглот.

– Я растроблю о том по свету,
Пусть он поверит в эту ложь
И призовет вон Край к ответу,

Глас лжи на война похож.

И чем она нелепей будет,
Звуча навязчиво всегда,
Тем мир в презренья будет гуде,
Поверя, Край – всему беда.

И станет Край с того затыркан
И будет признан всех врагом,
Тем в Края строе будет дырка,
И пнёт его всяк сапогом.

Вот и не станет ореола
Что в нём прекрасно, милый быт,
Что жизнь там высшего помола,
Богат там каждый, счастлив, сыт.

И будет всеми он отвержен,
Наложено санкций будет пуд,
Контакты с ним всех будут реже,
Потом и вовсе пропадут.

На мель и сядет вон торговля,
То экономике конец,
И покосится Края кровля,
Спадёт вон с Власти вмиг венец,

Знать, оборона станет хилой,
Я разовью в момент всю прыть,

Чтоб обессиленного силой
Уж беспощадно захватить.

А заодно свой Стан в рекламе,
Я покажу, как он хорош!
А Край погряз, мол, напрочь в хламе,
Вот мир кольнёт его, что Ёж.

Свобода в Стане, мол, богатство
И демократии цветков,
И все едят одни лишь яства,
Ведь жизни уровень высок.

Край отрыгнут с того всем миром,
Объединившись, нападут,
И буду в этом я кумиром
И злобой, яростью сверхкрут!

Как хорошо, что Псы в обойме
Моих коварных, подлых дел,
В их не пассивности и коме,
Ведь кость мою Пёс каждый ел.

За это их и отработка,
Все на цепи моей навек,
Держу я каждого за глотку,
Их на разбой бросаю в бег,

В моей все по уши упряжке,

Что прикажу, то и творят,
Дела бы ни были как тяжки,
Мой в стороне взирает взгляд:

Зачем себя бросать в опасность
И жизнь угрозе подвергать,
Коль за меня впадут Псы в страстность?
Ведь то лопушеская рать.

А будет вся моей добыча,
За счёт их буду я богат,
Им в морду кукиш властно тыча,
Ведь я презренным ввек не брат.

Но надо Краю сжать всё ж горло,
А в том мне люб любой приём,
Лишь б суть его мне благ припёрла,
Что в сверхизбытке есть при нём.

Пусть будет в Крае голод смертный,
Я дождь над ним вон уберу,
Я в этом деле не инертный,
В него вружусь на всём пару!

Я тучи в небе все стреножу
И плыть с дождём в Край ввек не дам,
Сожжёт жара земли всю кожу
И всё, на ней что будет там.

Наступит голод – радость Смерти,
Что будет вокруг всего падёж,
А это рабства сразу клетки,
Знать, буду в счастье я хорош.

* * *

И стал арканить Тучи нервно
И палкой прочь от Края гнать,
И петь от радости напевно...
Над Краем Туч не стало, глядь,

И Солнце уж на сковородке
Всё жарит вокруг, печёт подряд,
Дела его ведь в этом чётки:
Сковорода – земной то ад,

Нет никому воды глоточка,
От жажды сникло всё вокруг,
И выжить стала заморочка,
О как избавиться от мук?

Так продолжительное время,
Земля горела, дым столбом,
И жизни гибнет напрочь семя...
Но оказался Вос столпом,

Призвал к Земле всем обратиться,
И к ней проникнуть с просьбой вглубь,
Она ведь вод в веках Царица:

– Спаси нас всех и приголубь,

Твои законные мы дети,
Избавь от пекла, жажды нас,
С тобой нам радостно на свете,
Не дай, чтоб род наш весь угас.

И мать откликнулась-Землица,
Полили воды из глубин,
И всё и вся спешат напиться,
От чахлых вон бежа годин.

И всё вокруг зазеленело,
Высокий давши урожай,
Воспрял дух каждого и тело,
Пришёл к всем жизни милый май,

И каждый начал вновь трудиться,
Возвысить гору чтобы благ,
И всё поёт, сияют лица,
И каждый в жизни вновь мастак.

Зап видит: зло безрезультатно...
Край выжил, напрочь не зачах.
Взъярился он с того стократно,
Огонь сверкнул в его очах:

– Тогда он канет в наводнение,
Его что скроет с головой, —

Моя задача в том, стремление, —
От нетерпенья сам не свой...

Согнал пинками, палкой Тучи,
Над Краем сгрудивши в загон,
За горло их схватив могуче,
От боли тех раздался стон,

Так разревелись все надрывно,
Из глаз поток что хлынул слёз...
Какая ужаса картина,
Какая ярость грозных Гроз!

Они шли строем барабанно,
Пуская молний злобу стрел!
Потоки лили беспрестанно...
И Край с того вдруг стал несмел,

Вода по грудь... Вот по макушку...
Вот-вот в пучине сгинет он...
Устроил Зап всему ловушку,
Взъяря злорадства злобный тон.

– Уж покатаюсь я на лодке
По Краю вдоль и поперёк!
Водой полны его все глотки,
Всё захлебнётся в малый срок.

Но вновь воззвал Вос мать-Землицу,

Чтоб прочь погибель отвела,
Её твореньям не годится
Вон сгинуть. Та и за дела!

Она забота и охрана
О чадах милых сроду ведь
С усердьем вечным беспрестанно,
Все и признательны ей впредь.

В своих глубоких очень недрах
Резервуаров ряд хранит,
Объём велик их кубометров,
А облицовка всех – гранит.

Вот в них вмещать поток и стала,
И Края радостный был вздох,
До смерти ведь уж было мало,
Уж не хватало малых крох...

И всё опять вокруг живое
Землице славу воздаёт!
Жизнь не должна ведь быть в застое,
Она сладка всему, как мёд.

И вновь счастливые вкруг лица!
Природа пышная опять.
...Но Зап вновь яр, бушует, злится,
И прокликает Землю-мать...

Он потерпел опять фиаско,
Негодования бесит дрожь...
– Почто Земли всё к Восу ласка,
Ах, чем ей мил он и хорош?

Тогда накрою Край я мраком,
И жизнь зачахнет вся во мгле,
Уж заживу тогда со вкусом,
Край станет Мухой на игле.

И коли Солнце дышит сонно,
Пред тем, как в небе делать путь,
Зап в кознях вновь неугомонно
Опять готовит Краю жуть.

Спешит, сокрытый темнотою,
К Светилу сонному... В мешок
Его швыряет, зла тропюю
Несёт, коварный чтоб шажок

Не взбудоражил ухо Края,
Швырнул в колодец: «Утони
На дне, вот радость мне какая,
Впредь благодатнейшие дни!»

Вот Край, всегда как, в срок, проснулся,
Глядь, Солнца нет, вокруг темнота...
И душам то страшней укуса,
Проблем великих маета...

Куда идти? Ни зги не видно,
Как в уйме быть полезных дел?
Вкруг мрака ярая Ехидна
И столкновенье в мраке тел,

Природа вся в оцепененье,
Всё не пускается уж в рост,
Не слышно птиц задорных пенья,
Жизнь превращается в компост...

И всё движение наощупь...
Дела все валяются из рук,
Все впали в страх, как Куры во щи,
Таких вовек не знали мук.

Уж не конец ли это света?
Вот-вот начнётся всех психоз...
«Что делать нам?» Но нет ответа,
Хоть задан в лоб был сей вопрос.

Ревёт скотина, квохчут Куры —
Оповещение беды.
От страха нет уже культуры,
А есть уж паники ряды.

«Ау!» – кричат, как заблудившись,
И Воса кличут: «Помоги!»
А тот: «Без паники! Все тише!

Не гробьте ужасом мозги.

Врагов то козни, не Стихии.
Знать, мы должны перебороть
Моменты, злобою лихие,
Спасти вокруг всё, нашу плоть.

Светила, чую, похищенье,
Сокрытье где-то в тайнике,
Сова в ночи имеет зренье
И видит всё, что вдалеке.

Исполни долг свой, остроглаза,
Проводником в пути мне будь
Средь мрака ярого экстаза
И укажи мне чёткий путь!»

И Вос, ведомый уж Совой,
Покинул Края твердь ворот,
Кость взявши белую с собою,
Идёт он тихо всё вперёд

И мыслит, где искать Светило,
Куда бы сам он спрятать мог?
И тут идея осветила:
– А не тайник ли то глубок?

А что глубокое на свете?
Пещера, море-океан

И ввек подвластная Комете
Воронка, взрыва барабан

Сопровождает что паденье!
Ну, шахт вокруг нет, колодец, что ль?
Ищи его, к нему стремленье
Активно взвить, Сова, изволь.

Сова окинула всё взором,
Колодец с крышкою нашла,
И Вос во времени уж скором
К нему пришёл и за дела

Хотел приняться, заглянувши
В его глубинный тёмный край,
Как наострили Псы вдруг уши,
Его учуяв, яро в лай

Пустились мучая вон привязь!
Ведь в Стан пробрался чуждый гость.
Но Вос, догадкой осчастливясь,
В их стаю мигом бросил кость!

И те все привязи порвали,
За эту кость взвилась грызня,
Рычанье злобно мчалось в дали,
И всё страшила Псов грызня...

А в это время Вос ведёрком,

Висело что на «журавле»,
Вмиг зацепил Светило с толком
Со дна, и вот уж на земле

Оно, светяся, оказалось,
И Вос пустил его в полёт!
С того взъярилась Тьма: «Ах, жалость!
При свете Край вновь заживёт».

Стал Восу виден путь обратный,
И он стремительно бежит
К родному Краю, бег приятный
Успехом, радостнейший вид!

И только он закрыл ворота
Вон за собою на засов,
Как к ним взъярённейшая рота
Примчалась с лаем злобных Псов!

По действию Львы все, Тигры, Львицы!
Пёс каждый грызть ворота счёл...
Но распахнулись вдруг бойницы,
Рои из них взметнулись Пчёл!

На Псов насели, жаля яро,
И те, скуля, помчались вспять!
Была им Края это кара,
Чтоб не смогли впредь наступать.

Хвосты поджали, спрятав уши,
При ужалении мечась!
Не били Пчёлочки баклуши,
Был жал неистов перепляс...

А Солнце Край весь осветило!
Вновь жизнь бурлит, как кипяток,
И всем, всему отрадно, мило
И вновь настрой всего высок.

– Хорош наш Вос-руководитель!
От нас отводит уйму бед,
В покое Края вновь обитель,
То подтвердит весь вольный свет.

А Псы, скуля, примчались к Запу,
Он бил бичом их с ярых сил,
Притихли все, предавшись сапу,
Кто принял боль, всё голосил...

– Ах, вы презреннейшие твари!
А ну, пускайтесь в дикий брёх!
Им нагоняя Краю хмари,
Чтоб дух его вон сник, был плох.

Тех шерсть в момент и встала дыбом!
Взрычали все, пусться в оскал...
Зап обзавёлся сразу нимбом
И вмиг величественным стал:

*«Пусть знают властную Псы руку
И предо мною лебезят,
Не то в такую брошу муку,
Что Раем скажется им Ад».*

И те рычали озверело,
Пред Запом мигом впадши в лесь...
– Давай! Давай! Вот это дело,
Моя то будет Краю мечь.

И Псы когтями землю рвали,
Взъярённый вид на Край стремя,
Желая пакости, печали,
Чтоб Края сгинула семья.

– Вот расщепить его бы клином,
Косой под корень бы скосить!
А задушу его, дай, дымом,
В момент умерит жизни прыть.

Стога вокруг Края он соломы
Сырой возвёл, добавив дров,
И испытуета сласть истомы,
Поджёт, сказав: «Ну, будь здоров,

А подыши-ка дымом едким!
От счастья выпучишь глаза,
У Смерти будешь вскоре в клетке,

Прольётся едкая слеза...»

И впрямь, все стали задыхаться,
И непрерывным кашель стал...
А Зап злорадствовал... Как цаца,
Вельможный, жалостью к всем мал.

Всё небо дымом закоптилось,
А вот и нечем уж дышать...
И уж рассчитывать на милость
Не стал никто. Сияла тать!

Уж Солнце в мраке стало дыма,
Вот-вот всего наступит мор...
Ужели жизнь пройдёт всех мимо,
И натиск Смерти будет скор?

Опять все к Восу тянут взгляды:
Его ум только и спасёт,
Решить он сможет все шарады,
Вновь Счастья будет хоровод.

Он думал, мыслил и метался,
От удушенья как уйти,
Он оптимизма весь закваса,
Искал реальные пути.

Нашёл всё ж выход, ум ведь светел:
– Ты подари нам благодать,

Душой и телом вольный Ветер,
Прочь помоги дым, гарь прогнать.

Мы на тебя ввек не роптали,
Ты мельниц лопасти крутил,
Гнал корабли стремглавши в дали,
С того матросам вечно мил,

Дарил нам в зной всегда прохладу,
С тобой при встрече всяк листок
Входил всласть в трепет и в усладу,
Ну, помоги—ка нам, браток!

Тебе то действие лишь под силу,
Перед тобой не устоять
Ввек никому как многокрылу.
Прошу помочь тебя опять!

– Польщён я сил моих признаньем,
Мне доставляет радость дуть.
Свой долг я сделаю с стараньем.
Набрал тут воздуха всю грудь

Обратно выдохнул стремглавши,
Тем дым порядком потеснил
С небесной Края милой чаши,
Подул ещё опять с всех сил!

Заколебался дым, стал жидким,

Рассеясь вскоре уж совсем,
Ведь Ветер в действии был прытким,
С того любимым стал вмиг всем.

Взглянуло Небо голубое
И Солнца милые лучи,
Всем нет от радости отбоя,
Все загалдели, как Грачи!..

Вдохнули воздух грудью полной,
Вновь задышали все легко,
Вниз не пошла жизнь по наклонной,
А взмыла птицей высоко!

Все Ветру стали благодарны,
«Ура!», «Спасибо!» крикнув вслед,
Поклон и Восу был шикарный,
Они спасли ведь Край от бед.

А Ветер гнал дым прочь от Края
И, надо ж, всё на Запа Стан,
Его за злое тем карая,
Сам задохаться стал уж Пан

Всея разбойничьего Стана...
Не делай гадость ввек другим!
Зап, Псы все в кашле беспрестанно —
То бумерангом злоба им.

Часть Псов лежит уж вверх ногами —
Так тяжко стало им дышать...
Зап не в спокойствия уж раме,
Рвёт с головы за прядью прядь,

Рот, нос закрывши мокрой тряпкой,
От злости яростно дыша,
Швыряя ругань вокруг охапкой,
Она слетает, как парша...

Опять провал, крах злобной мести,
С того и Запа вдрызг трясёт...
— Как сделать пакость Воса чести,
Разрушить Края как оплот?

Ведь манят Края все богатства,
Необозримый же простор!
Пустился в козни Зап мытарства
И точит стрелы, нож, топор...

А Ветер, полон состраданья,
Вон выгнал дым над Станом прочь:
Пусть Зап в добра войдёт старанье,
Не будет доброе толочь.

Но тот огнём пылает мщенья,
Куёт план, как бы погубить,
Пусть не в одно хотя б мгновенье,
Сопротивленья сбивши прыть.

На Край бессилен напрочь внешний
Стал всеобъемлющий таран,
Край отрубил вон Запу клешни,
Глубоких сделав уйму ран,

Что одолеть Край уж снаружи,
Нет, не удастся и вовек,
Вмиг в пораженья будешь луже,
Пустьяс в панический вон бег,

Как было в первом нападенье,
Когда их выгнали пинком,
А также внешние зла звенья,
Что прочь летели кувырком.

Знать, новый метод козней нужен,
Откуда ввек его не ждѣшь,
С чего Край будет вмиг контужен,
Вошедши в панику весь сплошь.

Вот и порвутся мощи звенья,
Сил, духа рухнет монолит,
Погибнет Край вон, без сомненья.
Его так Зап и победит.

– Есть у меня в земли глубинах
Подлейший, мерзкий, гадкий Червь,
Его пуцу в атаку ныне,

То Червь Сомнения. Не дрейфь,

Ты губишь преданность и стойкость,
Для личной выгоды толкнёшь
На всё, в духовную убогость
Вон превративши, в мерзость-Вошь.

Эй, Псы, таких Червей наройте,
Ведь будут воинством моим,
Все на духовном будут фронте,
Вот Края крах неумолим

И будет, верю в это, с ними,
И под моей замрёт пятой
Навеки с стонами глухими...
Воссяду в Крае на постой!

И Псы все начали когтями
Рыть землю, высунув язык,
И Зап Червей тех брал горстями,
Как всё до этого привык,

И только Ночь затихла сонно,
Зап к Краю Гадом вмиг подполз
Без шума, грохота и звона,
И через стену Черви кросс

Свой подлый оптом совершили
И моментально расползлись,

Чтоб Краю быть навек в могиле,
Вон превратясь пред Запом в слизь,

И кой-кому залезли в уши,
Пока те спали крепким сном,
Не били долгий час баклуши,
Шептать всё начали о том,

Что... «общий труд, конечно, вреден,
Он блага поровну даёт,
А потому и каждый беден,
Хоть от работы катит пот,

Ведь он во имя всех нацелен,
А мизер благ – лишь для себя,
Но лучшей нет на свете цели,
Коль ввек не всех, – себя любя,

Лишь на себя начнёшь трудиться,
Что значит прибыль одному,
Налог лишь минус – он крупница —
А весь доход лишь самому!

Вот то и будет справедливость,
С того богат вмиг, знаменит,
В походке, взгляде будет живость,
Глядишь, вид, *«слуги народа»*

Посыпят, снегом как, вмиг льготы,

Всего прибавится добра,
Да без предела и без квоты,
С утра блажь будет до утра.

И раньше равный, вон Плебеем
Под твой предстанет барский взгляд,
Кто возмутится, тех отсеем,
Вон натравив отмщенья ад...

Потом уж съест и Конкурента.
А уж своих вон всех подмяв,
Не признаваючи запрета,
Лишить в Краю других всех прав,

Напав внезапною войною,
Чтоб водрузить там свой диктат,
Готовясь дальше с миром к бою,
Ему устроя бойни ад...

Внемли нашёптыванью чётко
И к этой цели лишь стремись,
И вмиг величия походка
К тебе придёт, взлетишь в благ высь!..»

И что? Проснулись же такие,
Никто их вокруг не узнаёт,
К себе тянуть добро лихие,
На всех аж двинулись в поход,

Всё не по ним и макси-критик
Всего, что общее вокруг,
На Строй, порядок – гнусный нытик,
В свой призывает тайный круг,

Шипеть Змеёй чтоб, гавкать злобно,
Мол, каждый волен всяко жить,
Хватая блага двуутробно,
В том проявляя экстра-прить!

И создаются мини-группки,
Сверженья Строя метят план,
Аж в пене бешеной все губки,
Грохочет злобы барабан!

То шепчет, шепчет Червь Сомненья,
Убить чтоб светлую мораль,
Единства сделать расслоенье,
Прервать всех поступь в чудо-даль,

К тому ж, раздуть все недостатки,
Что всё ж бывают иногда,
И расшатать вон все порядки,
Чтоб Край настигла вдрызг беда,

И планам ставить всё подножки,
Терзать на всех постах бюджет,
Не по одной со всеми стёжке
Идти, а в сторону, во вред,

Тем мощь и силу подрывая,
Волненья вызвавши и гнев,
Мол, жизнь скуднейшая такая...
Вот и от Края уж отсев,

Вмиг станет много недовольных,
В него сомненьем возгорясь,
Наевшись слухов всех подпольных,
На Край в истерике лья грязь...

И нет в нём Братства уж, Единства,
О чём мечтал всё подлю Зап,
Знать, в том сработал мудро, чисто,
Заткнувши Славе Края кляп.

И жить в нём стало неуместно,
Вот в Стане!.. Там-де, благодать,
На всё Свобода повсеместно,
Туда, туда пора бежать,

Всё, что урвал здесь, прихвативши
И под стеной свершив подкоп,
Да тайно только, без афиши,
Занявши Стана вмиг окоп.

Стан мерзких Псов и подлых Шавок
Встречал с объятьями таких,
Брехать на Край в момент стал навык,

Вон превратясь в таких-сяких.

И Отщепенцы и Отбросы,
Себя возведши в высший ранг,
Вдрызг жалят Край, как будто Осы,
Их Ложь прёт яростно, как танк...

Не все поддались всё ж сомненьям,
Червей сих шёпот возмутил,
Шептали хоть с остервененьем,
Вкруг ложь взрывалась, как тротил!

Вон из ушей, как будто воду,
Червей Сомненья удалив,
Ведь Краю преданы век, сроду,
Единства вызвали прилив,

Вновь в труд втянулись вдохновенно,
Благ создаваючи задел,
Ведь вера в Веса век нетленна,
А, знать, триумф грядёт всех дел,

И социальные все блага
Систематически росли,
Сталь Обороны и Отвага:
Не суйся, враг, вон отвали!

У Края вырос вдруг огромный
Неимовернейше Кулак,

Кто нападёт, вмиг будет скромный,
Запомнит: Край ввек не слабак!

А вся сбежавшая Никчемность,
Освоив вмиг язык тех Стай,
Отбросив в этом напрочь леность,
На Край пустились в злобный лай!

И, глядь, Собаками уж стали,
Их цепь держала у конур,
За брѣх им кость милей медали,
Стал жизни Рай никчемным, хмур.

От них несло смердящей псиной,
Её Край веером вон гнал
Прочь от себя рукою сильной
И в этом был весьма удал.

Все Перебежчики весомы,
Пока охаивают Край,
И Зап с того среди истомы
С командой им: «Ещё поддай!»

А коли брѣх безрезультатный
Иль сил входить в него уж нет,
То каждый Запу неприятный,
Ведь не несёт уж Краю вред.

И превращаются вмиг в Шавок

Без уваженья к ним и прав,
Вновь Подлецов Зап ждёт поставок,
Не единиц, а оптом, лав.

Но постоянно сам не дремлет,
Всё козни новые творит,
Уж так прельщают Края земли,
Его цветущий в Счастье вид.

И в бой сокрытые все силы,
Что под землёй живут среди нор,
Людей загнать чтоб всех в могилы,
Уж гонит, гонит в весь опор!

То Сосуны, воды насосы,
Резервуары – животы,
В борьбе на них есть всё же спросы,
Родня им дальняя Кроты.

Носы их – алчущие шланги,
В сто крат огромней, чем Слонов,
А животы вмещают влаги
Без меры, Совесть оков,

И вмиг усвоюсь организмом,
Им пить – инстинкт, им пить – азарт,
Не становясь ввек в том капризным,
Ввек нет в том финиша, лишь старт.

Да, Сосуны в его резерве.
Прорыть в Край тайные ходы
Дал указанье, впавши в нервы,
Чтоб вон запасы все воды

Вмиг отсосать в владенья Стана,
Не смел чтоб Край испить глотка,
А в жажду впал бы беспрестанно,
И жизнь с того была б едка,

А в Стане вод бы был избыток,
Что Край в согласье уж взамен,
Чтоб жажды не было бы пыток,
Любой свершить мог вмиг обмен.

– И подпадёт под диктатуру –
Ха! – жесточайшую мою,
И укротит свою натуру,
«Сдашь Край без боя – напою!»

И приползёт, вон пресмыкаясь,
И будет ноги целовать...
Моей Победы будет завязь,
Моя добра вся будет кладь.

И Веса ждёт поползновенья
Уж в ноги, жалобный поклон...
Но тем уж принято решенье,
Что лучше вон погибнет он,

Но не отдаст на растерзанье
Ни пяди матушки-Земли,
Ведь не желает ей страданья,
Ввек в кандалах чтоб не вели.

– Эй, Люди! Есть пока коль силы,
Возьмите в руки все штыри,
Их заточив острей, чем вилы,
И Сосуны все-упыри

От них погибнут, коль проткнёте
В земле их, в тайных их ходах,
Ведь против нас они на фронте,
Несут свой подленький нам крах.

И Люди яростно пронзали
Земли глубины, вот и, глядь,
Все Сосуны в момент в печали,
Погибла намертво их тать.

И воды ринулись на место,
Всех осчастливив этим лик,
Земля воспряла, как Невеста,
Вод карнавал стал вокруг велик!

Опять вода в водовороте
Природы нужных людям дел,
И у всего она в почёте,

У всех живых на свете тел!

Вновь потерпел Зап поражение
И впал в истерики мандраж...
Все обороны Края звенья
Имеют крепкости ведь стаж,

– Так... В лоб идти – могучи стены,
Из—под земли напасть – был крах,
Ведь все Защитники отменны,
В всех героизм, не ведом страх,

Стихий напасти с неба были —
Вновь Краю это нипочём,
В какой-то сказочной все силе,
Нас оттираючи плечом.

Вся ложь и брѣх не валят стены,
А лишь отскакивают прочь,
Ведь духом в Крае все отменны,
Ох, трудно в прах их растолочь...

Они весь Мир с такою силой
Подмяли б разом под себя,
Но в нём всяк друг ему и милый,
Взаимовыгоду любя.

Вот мне такую мощь иметь бы,
Не стал раздумывать, а вмиг

С душою Лешего иль Ведьмы
Со всею алчностью Барыг

Напал б на всех, уничтожая,
Богатств имеючи трофей!
Ах, как бы мощь разбить мне Края?
А ну, ум, в этом попотеи!

А если вдруг напасть открыто,
Ведь многочисленность моя,
Мала же Края, будет бита,
Падёт навек, не устоя?

И буду я Завоеватель,
Моя и вотчина – весь Мир,
Всех буду грозный я Каратель,
На их крови устрою пир!

Всё будет только с разрешенья
Да с позволенья моего,
Всегда всех будет только тленье,
Ведь я Владыка вокруг всего!

Нет Края мне милей добычи,
Ведь все земли он Главный страж.
Ну, погоди! Подпилим нынче
Подпорки неба, абордаж

Уж совершим тогда мы сверху,

Придавит Небо Край, как пресс,
Вмиг ощуцу с того потеху,
Смертельный будет Краю стресс.

Подпорки, Псы, перегрызите,
Чтоб уронилось Небо вмиг,
Да не жалеите в этом прыти,
Да будет ярим каждый клык!

И Псы уже подпорки грызли,
Летела в стороны труха...
– Сейчас расплющит Небо жизни,
Ведь тяжело оно. Ха-ха!

И Небо, впрямь, уж закачалось,
Вот-вот обрушится совсем,
Осталась самая лишь малость...
Ужель конец наступит всем,

Ведь Небо тяжкая махина?
Голов не гордая уж стать,
А наклонилась аж до тына:
Опасность всем не благодать...

Но Вос тут, мудрый он ведь Витязь,
Даёт спасительный Указ:
– Не гнитесь, Люди, распрямитесь,
Ведь руки сильные у нас!

Вот ими Небо и поддержим,
Тогда на нас не упадёт,
И Страх терзать нас будет реже,
Решим сраженья тем исход,

Но сделать надо то едино,
Как жили долго, сообща,
Ведь мы высокого все чина,
Век пред Врагом не трепеща.

Потом над высшими горами
Мы Небо дружно закрепим,
Оно и в прежней будет раме,
Вновь будет вид его любим.

Идут, несут на гор вершины...
Вдруг им навстречу камнепад!
Стремглав стремит свои лавины...
Все видят: сверху подлый Гад,

Кому немил стал Край душою,
Лавины эти создаёт
С натугой яростной, большою,
Тем не даёт идти вперёд.

И все уж Небо еле держат,
С того и рухнуть может враз...
– Ах, где спасение, ах, где же?
Сейчас раздавит напрочь нас...

Но тут, кто был всегда в почёте
У всех Людей, вовек любим,
Над Гадом взмыл в своём полёте,
В момент и карой стал над ним,

Схватил Орёл в момент когтями
Его за шиворот, понёс
И над Ущелья уж камнями
Его и сделал резкий сброс!

Тот, повопя остервенело,
Вмят всмятку был на самом дне...
И Люди двинулись вверх смело,
Не в камнепада западне,

И над Горами водрузили
Великий купол Неба всласть,
Ведь дух ввек стоек, тело в силе,
А чтобы Небо вдруг упасть

Не соизволило обратно,
То тыльной Неба стороной
Пришили к Космосу опрятно,
К земле же милой – лицевой.

И вновь на нём танцуют Тучи,
Сияет Солнце, Звёзды – в ночь!
Летели Молнии! Дождь – с кричи,

Чтоб жажда сгинула вон прочь,

И Край вновь в Радости отменной,

В труде давал что им успех.

А Зап от злобы брызжет пеной,

Бросает ярый взгляд на всех!

Опять разбоя поражение...

Победный ищет нервно путь

И гонит Псов вновь в наступленье:

– В нём беспощадным каждый будь!

И те примчались вновь к воротам,

Вцепились яро снова в них —

Их напрочь так снести охота,

И каждый в том безумный псих!

Но вновь разверзлись все бойницы,

В них Пчёл бойцовских слышен гул,

Их на Врагов так норов злится,

Чтоб вспять те мчались: «Караул!»

Ведь все припомнили Псы мигом,

И каждый стал с того не рад,

Что вон окажутся под игом

Их жал, попятились назад,

Опять друг друга подминая,

Неимовернейше скуля...

И вот уж прочь умчалась Стая
Во власти паники руля,

Командный пункт подмявши Запа,
На самого уже рыча,
На ярость их уж нету кляпа —
За крах так злоба горяча!

– Он никакой не Полководец
И нет в нём сана Божества,
Он просто здесь инопроходец,
С землёю нашей нет родства.

Долой Царьком быть ввек над нами,
Он нас всех к Смерти приведёт,
Он превратил подряд нас Псами,
Себе с того снимая мёд,

А мы унижены донельзя,
И каждый, каждый, как отброс,
О прежнем облике всё грезя,
Наш дух швырнул он под откос.

Мы все теперь Марионетки,
Самостоятельны ни в чём,
Для нас уж лакомство – объедки,
А ласка – хлёстанье бичом!

Теперь мы каждый – Гад-агрессор,

Потребность эта невтерпёж,
Иного нету интереса,
На теле Мира мы как Вошь,

И в этом наша специальность,
И каждый Роботом в том стал,
Мы дармовую любим пряность,
Пуская в ход клыков кинжал,

Мы признаём всех-всех врагами,
Кто перед нами не скулит,
А в независимой всё гамме,
Имеет гордый вечно вид.

Вот потому с остервененьем
Мы брешем яростно на них,
Их соблазнённые именем,
Друг перед другом в этом лих!

А коль не светит нам добыча,
Вторую пасть рождает всяк,
Ждёт к нападению снова клича,
Чтоб Мир швырнуть вновь в адов мрак,

Об этом Запа все прожекты,
На нас набросил в том гипноз,
И мы, психозом подогреты,
На Мир клыков свершаем вброс,

Себя вершителями судеб
Считая, гонором кичась,
Мы Палачи над всеми, Судьи,
Век безупречны, все же грязь.

Гордимся стаею великой,
Где каждый в ней зверюга-Пёс,
Дрожа пред Запом, смрадной кликой,
Ведь он безумно грозный Босс.

Стиль жизни наш – то Джунглей принцип:
Коль хочешь жить, – другого съешь
Без милосердия границы,
Пробивши в Совесть вон брешь.

Повсюду мечемся мы с лаем
И метим, метим, застолбить
Чтоб территории всем этим,
Чтоб утолить всем этим сыть.

И наш с того повсюду запах,
Всё – наша вотчина вокруг,
В зубах вокруг всё, в наших лапах,
Мы все – крупнейший Паук,

Поймал что Мир в свои тенёта
И тянет соки из него,
За счёт других ведь жить охота,
Век не жалея никого.

У нас в еде одни лишь кости
И примитивность конуры,
По шкарам ходят Запа трости,
Не зная отдыха поры.

А вот за стенами у Воса
Сверхизобилие всех благ,
Туда мы смотрим хищно, косо:
Ах, занять бы их нам как?

В крови у нас всех разоренье,
Мы на разбой обречены,
Нам радость мира покоренье,
Владык даём себе чины.

А потому ко всем презренье,
Высокомерия гора,
Мир мыслим ткнуть в уничтоженье,
Его ведь жизнь для нас мура.

С того мы подлые Подонки,
Без Чести, Совести, Святынь,
Друг перед другом в зверства гонке,
Хоть Мир с того умри, остынь...

Но побеждает часто Правда,
Её нам силу не разгрызть,
Она страшней нам жути Ада,

Вон нашу рушит всю корысть.

Вот и сейчас бежим трусливо,
За жизнь в агонии дрожа,
И Зап прочь мчится торопливо,
Как будто сел вдруг на Ежа!

Стратег, видать, совсем никчемный,
Попал в невиданный просак,
Хоть до того был вид Гиенный,
Взметнув над Краем зло кулак.

Из-за него страдаем тяжко,
В нас ужас Смерти вызвал страх,
Нестись вон прочь – в нас всех потяжка,
Чтоб где-то спрятаться в кустах!

Пусть мы погибнем поголовно,
Но мы и Запа жизнь с собой
Прихватим, участь сделав ровно,
Ведь проиграл позорно бой,

Погнавши нас всех на закланье,
Вот мы от Смерти прочь бежим!
– Да, Зап достоин растерзанья!
И своры гнев неудержим,

Она его и окружила,
Оскаля злобные клыки...

И Запу стало вмиг немило,
Метались Страха огоньки!..

– Хоть он и с Неба, не Владыка,
Нет сверхъестественных в нём сил,
Он рожу впялил в образ лика,
Обманом, ложью нас косил.

Пора за это рассчитаться,
По полной счёты с ним свести,
Глядите, он совсем не Цаца,
У всех в презренье, не в чести.

Прут на него, дрожит он, пятась,
Нет заклинанья от расплат,
Величья дух иссяк вмиг кладезь,
Лишь страх, агонии ушат...

К горам он пятится, впав в ужас,
Как будто там спасенье есть,
На кручи лезет, весь натужась, —
Страшит Рабов его так месть...

А Псы готовят мясу брюхо,
Пожрать людского чтоб мясца,
Грызни хоть будет заваруха
Вдрызг в дележе сего лица...

Из ртов слюней спешат потоки,

Вон превращаючись в ручьи,
Рекою став без замороки,
Беги, Река, вдаль, не молчи!

Зап отступает... Уж вершина
Под ним огромнейшей горы.
*« Вот будет здесь моя кончина...
Эх, нет, чтоб спрятаться, норы!*

*Орла сейчас иметь бы крылья!
От мерзких тварей взмыл бы ввысь!
Эх, положение постылье...
Уйди прочь, Смерть, ко мне не прись!»*

...А Вос глядел всем Псам вдогонку,
С мечом явившись из ворот...
Край защитил свою сторонку,
Ликует радостно Народ!

Вдруг Вос во Псах узрел стремленье
Вон Человека растерзать,
Над ним представил он глумленье...
— Ах ты, никчемнейшая Тать!

Храбра ты против одиночек,
Сжимаешь Смерти всё кольцо —
Твой от рожденья гадкий почерк.
В гримасе жертвы вон лицо...

Спасти сейчас же мне бедняжку!
Сверкнул его соратник-Меч
В руке, что сделала отмашку,
И начала рубить вон с плеч

Псов, в них вдаль мощно прорубая
Свободный в массе их проход!
«Спасти!» – цель Веса в том святая,
Он продвигается вперёд!

У Псов нет сил чинить Отваге
Отпор разящему Мечу,
Они прочь склонны стали к тяге...
– Я вас сейчас всех проучу!

И рубит просеку в них дальше,
С себя вон сбрасывая прочь...
– Вперёд, мой Меч, к Победе нашей,
Чтоб Человеку нам помочь!

Вот на вершине самой оба,
Друг другу руки подают!
А вокруг бушующая злоба...
Псов натиск яростен и крут!

Всё, отступить уж нету смысла,
На пике Люди ведь Горы,
Над ними Неба высь повисла,
В неё взмыть – шансы век малы...

Хоть умирать не в одиночку,
А, значит, меньшим будет страх,
Вот и Судьба поставит точку,
Жаль, Жизнь их канет вон во прах...

Вкруг слышно мерзкое дыханье
Псов разъярённейших у ног...
Настал миг с Жизнью расставанья...
Да будет дух их в том высок!

Обнялись в нервном состоянье...
Как вдруг раздался мощный гул!
Горы вон стало содроганье...
Все Псы вскричали «Караул!»

И кувырком вниз полетели,
Как будто с Дерева пал снег, —
Таков был ужас Псов артели
И вниз стремительнейший бег!

Дрожь грозной стала, резче, чаще
Горы... Раздался мощный взрыв!
Вулкан взорвался без забрала,
Мир распростёртый оглушив!

Подбросил вмиг Людей моментом,
За притяжение швырнув
Планеты пару их, при этом,

Гнал дальше, в Космос, дав наддув!

Летели так, обнявшись, оба,
Вон дух от страха затаив...
И Космос был заместо гроба.
Но Астероид тут ретив

Летел случайно параллельно...
Вмиг ухватиться тут смогли
Вон за него они артельно
На нём и скрылися вдали...

Как Утопающий нервозно
Стремит к Соломинке порыв,
Чтоб не вонзилась Смерть занозно,
Так инстинктивный был прилив

Людей вмиг рвенья, Астероид
На Жизнь чтоб дал последний шанс,
А потому вцепиться стоит,
Что сотворили, снизя транс.

И только тут лишь друг на друга
Взглянули. Ахнули: «Братан!»,
Попав в объятия сразу туго,
Взвив лобызания фонтан!

И Вос спросил: «Как оказался
Ты перед стаей злобных Псов?»

– Я... – тщился скрыть тот нотки транса, —
Вдаль рвенье гнал себе шагов,

Как вдруг они и окружили,
Готовы, ясно, растерзать.
Их побороть я не был в силе,
Они безжалостная Тать.

Я прочь от них пустился в горы,
Чтоб на вершине уцелеть,
В побеге ноги были скоры,
Я умереть не жаждал ведь.

Тут ты пришёл мне на подмогу,
Родная я с тобой ведь кровь,
Как говорится, слава Богу,
Ты спас меня, мы вместе вновь.

А Псов... не видел я доселе
И не встречал нигде в пути,
Лишь тут они уж и насели,
Нет, незаметно не пройти...

И взгляд отвёл, косясь куда-то...
И неестественно притих,
Как бы боялся в чём-то Брата,
Разоблачить что будет лих.

Но Вос поверил. Рад Братишке!

Не видел ведь его средь Псов,
Желавших благ иметь излишки,
Ворот вон Края сбить засов.

Сам Вос, конечно, был довольный,
Что Брат родной остался жив
И вновь взирал на Мир весь вольный,
А сам же Вос был не пуглив

Отдать чтоб Жизнь за Жизнь Братишки,
А как иначе поступить,
Взяв на себя укусы, шишки,
В борьбе за Брата взвивши прыть?!

И улыбался он от Счастья,
И лик был светел и душа!
Ведь благородное участие
Он принял, цель ведь хороша.

Обнявшись, вдаль летя, сидели
На Астероида спине
И напряженье было в теле:
В какой-то будут стороне?

А вокруг Великое Пространство,
Галактик тьма, скопление Звёзд —
Такое Космоса убранство,
Сей Мир таинственный, не прост,

Вмиг можно в нём и затеряться,
Ничтожно мал ведь Человек,
Душой как ни был б горд и Цаца,
Пред всем здесь силой он померк.

А Астероид нёс их в дали,
Вот обречённо и сидят
В своей безумнейшей печали,
Им Страх – неведение и Ад...

Глядятся съёженно и куце,
То холод жалит, то жара,
Назад хотелось уж вернуться...
Да задрожали вдруг: Дыра,

Что Чёрной здесь всегда зовётся,
Возникла с пастью гробовой,
С её бездонностью колодца,
С всеильной властью мировой.

Как пылесос, она всосала
Вмиг Астероид и Братков,
Всегда глотала без забрала
На протяжении всех веков.

Как Смерч, их разом закружила,
Швырнула яростно в нутро!
Ох, как же было им немило,
Вмиг страха целое ведро...

Волчком кружась неимоверно,
Неслись стремглавы в пасти глубь!
Дыра такой натурой скверна.
– О случай, нас ты приголубь!

Но пасть Дыры их пожевала
И как негодный элемент,
К их удивлению немало,
Извергла прочь в один момент!

Но те вцепились в Астероид,
Боясь с него навек слететь,
Ведь путь к спасенью, может, строит,
Они ж его желают впредь.

Но удивился Брат тут каждый:
Их изменился рост и вид...
Постой, постой! Но то однажды
Случилось, каждый подтвердит!

Дыра во взрослых превратила
Из малышей в момент тогда,
Теперь обратно и немило
Всучила Детства им года.

Аж содрогнулись вмиг внезапно,
В себе увидев Детвору,
И слёзы хлынули охапно,

Они ведь Детям ко двору.

И вмиг припомнили себя—то,
В глазах вновь Детство и в душе!
Ах, отчего так грубовато
Судьба им сделала туше?..

От страха ринулись в рыдания,
Вон Астероид обмочив
Слезой в момент до основания —
Таков поток был слёз бурлив.

И ум их стал, конечно, детский,
С того и узок кругозор,
Почти разгрызть Орех что грецкий, —
Так был понятья смысл не скор.

Зато вот к Маме, к Папе тягу
Не одолел слепой каприз,
Без них ведь нет вовек ни шагу,
И Счастье, коли вечно близ.

Всё смотрят, смотрят по сторонкам,
Ко лбу ладони прислоня,
Вон предаваясь крикам звонким,
Боясь и Мрака, и Огня...

Да догоняет вдруг Комета,
Летала долгие года

Во глубине Вселенной где-то:

– Зонты забыли вы тогда

На мне, спустившись на Планету,

Да впопыхах-то и без них,

Ведь пригодятся резко к Лету,

Когда польётся дождик лих.

Зонты бросает прямо в ручки!

Стал, как игрушке, каждый рад,

Ведь долго были те в отлучке,

Теперь же встречи стал парад!

Им указала направление,

Куда лететь среди Мрака, Звёзд,

И вновь продолжила движенье,

Свой распушив пушистый хвост...

Но ощутив зонты в ручишках,

Вошла им тут мыслишка в ум,

И в том любимая интрижка,

Что вмиг понравилась им двум:

На них, на шпагах как, сразиться,

Мол, каждый ловок в том шпажист!

Зарделись радостнейше лица,

Азартом каждый был лучист!

Ведь побуянить безрассудно

Ребёнок может без ума,
Им без игры тоскливо, нудно,
А в играх резвость вмиг сама!

Зонты трещали в грозной рубке!..
Но раз друг друга уколов,
От боли в плач пустились, губки
Надувши, плачу нет оков...

Но всё же, выплавав все слёзки
И перейдя на тяжкий всхлип,
В труднейшей были вновь загвоздке,
И взор их в Космос вновь прилип:

А где дорога к Маме, Папе,
Им потеряться – душам страх,
Ведь на его они этапе...
Хотят к Земле на всех порах!

Вмиг Астероид превратили
В Корабль, раскрывши враз зонты,
Мол, паруса! Был Ветер в силе
Светила, будто бы винты,

А потому стремглав летели
И были разом далеко,
И направленье точно к цели,
Рулями как, вели легко.

А было экстренно коль надо,
Зонты опять же крепкий щит,
Он защищал от Звездопада,
Вот и спокойный Братьев вид,

Ведь вон отскакивал тот резко,
С собой Рентгены прихватя,
Вредны вовеки те ведь веско,
Не блажь для каждого Дитя.

Все на замке испуга нервы,
А потому блаженный лик,
Они Вселенной Пионеры,
Вот каждый гордостью велик!

А Астероид был бывалый,
В систему Солнца залетал,
И в этом стаж был небывалый,
А потому найти удал

Был это дивное Светило,
Внося поправки верно в курс,
Ведь искривлялся путь немило
Век Гравитацией, не трус

Вот потому и был в движенье,
Влетел в Систему Солнца, глядь,
На них Планета—загляденье
Глаз голубую благодать

Уж устремила с удивленьем:
– Пришельцев, может, то десант?
Тогда приму уж вас с почтеньем,
Устрою встречи вмиг Парад!

Земля родная! На орбитах
Вокруг неё тьма кораблей,
Витками их всю обвита,
И ей от них с того милей...

Из одного в иллюминатор
Братишкам машут уж рукой!
Тех Радость вмиг вошла во флаттер,
Ведь рады встрече ввек такой!

Корабль им выдвинул любезно
Вон из себя в момент причал,
И каждый Брат с того помпезно
Легко, уверенно шагал,

Потом и вплыл в Корабль обжитый
Через открывшийся вширь люк,
Внутри объятами обвитый,
Брат каждый стал не в власти мук,

Хоть с подозреньем Космонавты
Всё ж были все, настороже:
– А не Вселенной ль Аргонавты,

Что на Земле теперь уже

Вот эти маленькие ростом,
Чей тонкий детский голосок,
Вдруг Землю сделают погостом,
Злой, может, умысел высок,

Колонизировать планету
Замыслив с целью личных благ,
Вон превратив землян в котлету,
Цивилизацию в овраг

Свалив под хохот зычный, дикий,
Всех заарканивши в Рабов,
Установить террор великий,
Здесь возведя зловещий кров?

Но любознательны «»: *Пришельцы*

– А это что и для чего?

И лезут, лезут всё в умельцы,

Прочь не отгонишь от всего...

– А порулить мы можем, Дяди,

На то где руль и где педаль?

Всё для азарта, видно, ради —

Так улететь стремятся вдаль!

Пришлось их в Центр управления

Изображенья передать,

И там компьютеры в мгновенье
Итог представили, мол, Мать

У них имеется в наличии,
Зовётся Евой, есть Отец,
– У вас их Дети, и их Птичьи
Права на Космос, каждый Спец

Всегда играть во все игрушки
Да на готовеньком лишь жить,
Нет знаний даже и осьмушки,
Есть необузданная прыть!

А потому сойти с орбиты
Придётся вам, всё ж приземлясь,
На них Родители сердиты,
В негодованья впали грязь...

И вот Корабль на Космодроме,
В объятья Мамы, Папы вмиг
Попали Детки. Снова в доме!
Счастливый, радостный то миг!

– А почему зонты разбиты,
И как смогли без спроса взять?
Сыны в момент не имениты
Азартом стали... Грозно Мать

Их всё отчитывала тяжко,

Что весь их сморщился вон вид,
И вниз голов была потяжка,
Вот-вот слеза течь сноровит...

Но плётка речи стихла, правда,
В объятя каждый привлечён,
Ведь успокоить Деток надо,
Ведь Воспитанье – век Закон.

Ну и на радостях простили,
Довольны, целы что, всяк жив,
Страхнули Космоса слой пыли,
И вновь Любви к ним был прилив...

И Детки вновь в репертуаре
Да разлюбезнейшем своём,
Вновь в играх, шалостях ударе
Повсюду вместе лишь, вдвоём.

А Папа Фиговым листочком
Теперь и Запа одарил,
И тот скакал по всем-то кочкам
И ввысь взлетал со всех аж крыл!

И с Восом дружба уж навеки,
Был на него сплошь не сердит,
Не хлещут вновь Обиды стеки,
Вновь дружелюбный Запа вид,

За то ему и много Чести
И уваженья благодать,
Во всём, везде всё Братья вместе,
С того и сладко им играть!

Но в играх встанут, что Столбами,
Вдруг друг на друга бросят взгляд,
Стоят так, правда, не часами,
Ум мыслей хлещет водопад,

И выдают они такое,
Что душу что-то бередит,
С чего она и не в покое,
Задумчив каждого в том вид,

Им всё-то чудится неясно,
Какой-то странный взрослый мир,
Конкретно вспомнить лишь напрасно,
В нём горе было, Счастья пир!

Всё лезла смутная догадка,
Что каждый Брат был в мире «том»,
Но всё отрывки... Всё остатки...
Ответа нет, хоть бей кнутом.

Вот и в глаза упрутся твёрже:
– Не ты ли в Мире «том», Брат, был?
А может, Правда это всё же...
Но ник вопроса смутный пыл,

Ведь нет конкретного ответа,
А потому, очнувшись вдруг,
Уж вновь играют с жаром где-то,
И каждый Брат другому Друг.

А Мать с Отцом, на них глядевши,
В толк не войдут совсем никак:
– Какой занёс Нечистый Леший
Их в Космос, в Свет его и Мрак?

Неразрешимая догадка...
Опять что можно ожидать
От них? Отцу с того не сладко,
Тревогой терзана вновь Мать...

Судачат этак меж собою,
И вывод их не сел на мель:
– Всегда такой пойдут тропюю,
Какая будет Жизни цель,

Родит что Действия, Поступки,
Облагородя ль, бросив в грязь.
Сейчас их Души очень хрупки,
Никчемность чтоб не завелась

В них, наставляя всегда их надо,
Чтоб верный делали шагжок,
Чтоб им была, другим отрада,

Что Храм их Совести высок,

Всегда Порядочность без пятен,
Живут всему, всем не во вред,
Что взгляд их чистый, всем приятен,
В нём дружелюбный, милый Свет.

Вот Сыновья ввек под надзором,
Чтоб средь добра Зло отличать
И пред соблазнами напором
Не сбросить Чести напрочь кладь,

Не затоптать её желаньем
Вовеки жить за счёт других,
Всегда давя их подминаьем
И строя Козни, бя под дых,

Себя выпячивая нагло,
А Правых ложью оплевав,
Презревши всех, они, мол, тягло,
Знать, не имеют в жизни прав.

* * *

Да, были изгнаны из Рая
Адам с позором, Ева с ним...
Да пусть Детей их цель Святая
Не превратится в прах и дым,

А даст плоды, для всех любимы,

Не встав другим всем поперёк,
Не будут злобны, нелюдимы,
Никчемный вон уймут порок.

Адам хотел то видеть, Ева
В своих беспечных Сыновьях.
– Но как среди Вселенной чрева,
В её безмернейших краях

Всё ж оказались оба Сына,
Никак доселе не поймём, —
Вопросом мучились, ох, сильно
Ночами тёмными и днём, —

Не волшебство ли, не во сне ли?
Но Спутник на борт ведь их взял
Вон из Космической купели
И на земной принёс причал!

И кружат Домыслы роями,
Но спит ответа благодать...
Одна забота Папе, Маме:
– Как не удрали бы опять!

Август, 2019 г.

В КОСМОС НА КОМЕТЕ!

ЗАП ИДЁТ...

ИДЁТ И ВОС...

ЗАП БЕСНУЕТСЯ...

*ПОРАЖЕНИЕ ЗАПА. ЧУДНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ*

Под моим окошком...

Под моим окошком
Выросла не крошкой,
А высокой, статной,
Взгляду вся приятной,

Не в шипах, как роза,
А краса-Берёза:
Дивные серёжки,
Белые сапожки,

Локонов каскады —
Будто водопады...
Лик невинно светел,
Чище нет на свете!

Вся легка, воздушна...
В зной не равнодушна:
Делится усладой —
Милою прохладой...

Ласковы листочки
Днями, все-то ночки...
Встала величаво —
В том имеет право,

Всеми ведь любима,
Не бежит взгляд мимо,
Ахнет изумлённый,
Сказкой восхищённый!

Расцветёт улыбкой
К ней в любви не зыбкой,
Затаив дыханье:
– Ах, очарованье!..

И погладит нежно:
– Как же ты безгрешна!
С светлую душою
Всеми так жить большою!

...А была росточком
С маленьким листочком,
В зной давал напиток
Светлую водицей,

Укрывал зимою
Снегом с головою,
Отгонял морозы,
Не лила чтоб слёзы...

Вдруг уж вид Невесты,
Не малютки жесты,
Уж осанка-диво,

Выглядит счастливо!

В мир явилась броско!
Пышная причёска,
Стала белолицей
Девницей-девицей,

На неё уж взгляды
Устремлять все рады,
Ей с того занятно
Стало уж, приятно...

Мир всё дальше виден,
Чёткость не в обиде.
Глядь (шутник он экий!),
Брызгает из лейки

Дождичек водицей...
Ветерочек птицей
Подлетит, играя:
– Здравствуй, дорогая!

С ним ты шутишь вволю,
Славя жизни долю,
Нет что катавасий...
Вдруг в счастливом вальсе

Кружишь с ним отрадно,
Выгляда парадно!

Он – ведь есть в том опыт! —
Перешёл на шёпот,

Ластит негой ушки...
(Всё б ему игрушки!).
Но тебе мил лепет,
И с него ты – в трепет...

Солнце с неба кручи,
Вон раздвинув тучи,
Всею заглядится:
– Хороша девица!..

Гладит, ласков, лучик,
Нежности попутчик,
Милые ей плечи,
Жаром пышут речи...

К ней стремится Птичка,
Ростом невеличка,
Юркнет в крону лихо,
Песнь поёт не тихо!

Листик смолкнет каждый,
Внемля песнь ту с жаждой
Этой Птички-крошки,
Хлопнет вдруг в ладошки,

Пеньем восхищённый,

«Бис!» пройдётся кроной,
«Браво!» взмоет в буйство —
Мило так искусство.

Всё-то ей занятно,
С всеми-то приятно
С ними без остатка,
Потому как сладко...

Но коль насладится,
Упорхнёт, как птица,
К моему окошку —
Знает эту стёжку! —

Ведь её ввек очи
Власть взглянуть охочи
На меня немножко,
Их ко мне дорожка!

Вижу каждый день я:
В том их наслажденье...
Как корабль усталый,
В шторм попав немалый,

К берегу ютится...
Иль в гнездо как птица.
В том души порывы,
Грустны и игривы!

Льнёт к окошку страстно,
Воссияв прекрасно,
Имя сладко вторя,
Без тебя, мол, горе:

– Широко раскрой-ка!
Радость ты для ока,
По тебе страдаю,
Все другие с краю

Моего сердечка,
Будто как колечка
Спинка, бесконечна
Ведь любовь, сердечна

По тебе, любимый!
Не гляди ты мимо
Кос моих каскадных,
Бёдер, дивно ладных,

Ветви-ручки ласку
Ждут, поверь, как сказку,
Рук твоих касанья,
Мёд ко мне вниманья,

Взора восхищенья!
Мне в том наслажденье...
Мило мне с тобою!
Всех других собою

Я навек зашторю,
В плен не сдай лишь горю
Душу ты девичью,
Преклонясь величью...

Я раскрылась... Стыдно...
Не язви ехидно,
Улыбнись отраднo:
«Всё, мол, будет складно

*Нам с тобою вместе
Да без лжи и лести...»*

И глядит невинно,
Не клонясь до тына,

Мне в окошко томно
И смущаясь скромно...
Распахнул я ставни!
Не скрываю давний

К ней порыв сердечный:
Я поклонник вечный —
Знает близь то, дали —
Раскудрявой крали,

Девицы-Берёзки,
Вид что люб мне броский!
Чудо-одеянье...

Будто изваянье,

Облачась весною
В мил-наряд с листвою,
Летом пышной ставши,
Молода, хоть старше,

Осенью наряды
Сбросивши... Все рады,
Ведь очарованье,
Душ всех замиранье...

Невидаль-красотка!
Смотрит нежно, кротко...
Коврик под ногами
В пёстрой-пёстрой гамме!

Пазлы листьев это
И любви примета,
Осени подарок
От души ей ярок,

Чтоб не тяжко ножкам
Постоять немножко
До Весны явленья,
Коль красы всей звенья

Будоражат взгляды, —
Так все видеть рады!

Все видны по штучке
Пальчики и ручки,

Лебединой шейки
Нет милей вовеки,
Вся прозрачна... Сзади
Всё-то есть во взгляде

Лиц, вон изумлённых:
Чёток удалённых
Вид объектов дальних,
Нет неясных, тайных,

Все за ней на лоне
Смотрятся уж ноне
В холоде, морозе...
А она всё в позе

Лишь очаровашки —
Нет милей милашки!
Вид всегда приятен,
Мил он и занятен...

Но в любое время
К ней спешу, встав в стремя!
К ней взметаю руки!
И уж нет нам муки.

И стремлю я взоры

На её узоры!
И она ответно
Дарит взгляд приветно,

Прочь не мча шажочка,
День ли то иль ночка,
А стоит всё рядом
С милым чудным взглядом

Под моим окошком,
В том не тяжко ножкам,
Шепчет мне листвою:
– Я навек с тобою!..

Июнь, 2019 г.

Пришёл солдат с войны домой...

*ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА!
УРА! ПОБЕДА! ВРАГ РАЗГРОМЛЕН!
ДОМОЙ! ЗА ТРУД!
ЛЮБОВЬ ПРИШЛА!
ЖЕСТОКАЯ ТРАГЕДИЯ...
СОЖЖЕНИЕ ЛЮБВИ...
ДА ВДРУГ ДЕВЧОНКА МОЛОДАЯ...
И ВНОВЬ ЛЮБОВЬ!
ИСПОВЕДЬ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ...*

Солдат с войны домой шагая,
В прах ввергнув фюрера «Mein Kampf»,
Хромал... В ноге была шальная
Ведь рана. Да пустой рукав

Прижат ремнём был к гимнастёрке,
Таким калекой к дому шёл,
На всё бросая взгляд свой зоркий,
Что жив, был рад, что ждёт, был зол,

Ведь нёс своё несовершенство...
Как жизнь теперь ему прожить,
Занять приличное в ней место,
Мёд благ иметь, души бы прыть,

Обзавестись, как все, семьею,
Чтоб нужным был, любим всегда?
– Что, как и все, я что-то стою,
Да не на миг, – на все года!

Несла грудь гордо орден Славы
Солдатской – воинский то труд,
Всё потому, что был он Правый,
Фашизму сделал он «карт».

А ноги сколько прошагали,
В атаки грозные неслись
От мест родных во вражьи дали,
Взметали руки знамя ввысь!

«Ура!» неслоь вокруг громогласно
С отвагой каждого в боях,
И клич звучал тот не напрасно,
Ввергал фашистов в дикий страх,

Их дух снижая до окалин,
СССР Победы ждя,
Предрёк её народу Сталин,
И все мы верили в вождя.

Взывал за Родину к отмщенью,
Победный грозный дух вселял,
Чтоб жить под мирной вечно сенью.

Был натиск всех с того немал!

Война родит всегда потери,
Конечно, множеству бойцов
В земле сырой стеля постели,
По виду, в общем-то, юнцов...

А сколь растерзанных гражданских,
Детей и женщин, стариков
В печах и гетто, в зверствах адских,
Скелетом ставши средь оков...

Но в каждом дух был жив Советский,
В бой за вождя шли, за страну,
Громя, взъярясь, фашизм немецкий,
Земного ада Сатану!

Замыслил он народ Советский,
Его прекрасный, дивный Строй,
Взяря жестокий нором зверский,
Вон извести, сравнять с землёй.

Напичкан денежным потоком,
Вооружением снабжён,
Ко всем с презрением высоким,
Науськан к нам лезть на рожон,

Напал он подло и внезапно,
Всю бросив мощь войны на нас,

Ошеломил и гнал этапно,
Мертвя в разбое всё зараз...

Земля пылала, канув в пепел,
Вон погибал страны народ...
Коммунистические крепки
Враг подрубал... Но Строй живёт!

В кулак единый превратила
Народа волю дать отпор
Организирующая сила,
Чей разум чёткий, мудр и скор,

То есть Компартии великой,
Её призыв – для всех закон,
Век не была тираном, кликой,
Всего народа испокон

Всё защищала интересы,
Мощь развиваючи Страны,
Вот капитала звери-бесы
К ней дикой яростью полны...

Она дорогами шла планов,
Их воплощая в жизнь сполна,
Страна Трудяг, страна Титанов,
Шла к Коммунизму всё она,

И все народы прозревали,

За кем безудержно идти:
В Коммунистические дали!
Иного нет вовек пути.

То страх акул всех капитала,
Труда зачахнет ведь грабёж:
Был-был всё куш, да вдруг не стало,
Богатств, знать, власти вмиг падёж...

Ведь ехать мило на народе,
Его хлещи, знай, по бокам!
С того не мрёт вовеки, вроде,
Нищ, подаянию кускам

Рад истерично, оголтело,
Забит, оплёван, угнетён,
Вся жизнь глядится закоптело...
А даровит ведь и умён!

И вдруг глаза открыл широко:
Увидел Царство-мёд труда,
Где блага высятся высоко,
Нет угнетателей суда.

Туда и тянутся душою,
Свою вдруг силу признают,
И благ хотят идти стезёю,
Иметь права во всём, уют.

Засуетилась сразу кучка
Безбожно-алчных воротил,
Где каждый мот и белоручка,
И труд вовеки им не мил:

– Вон задушить страну Советов!
Пример, как жить, в прах погубить!
Народ то масса ведь скелетов,
Отбить к Советам тяги пруть!

– Стереть с лица земли Советы,
Народы смертью подкося,
Дни Коммунизма будут спеты,
Земля их нашей будет вся.

– Сломаем русскому народу
Его могучий, твёрдый стан,
Не возродился чтобы сроду,
Такой не нужен нам Титан.

– Оставим рабскую прислугу
Лишь по обслуживанью нас.
Смертей, смертей устроим выюгу!
Да так, чтоб Бог бы их не спас.

– Всё растерзаем достоянье
Их всенародное в момент —
То от рожденья в нас старанье,
Такой мы хищный элемент,

Мы от законов диких джунглей
Не отошли и ни на шаг,
Где мы пройдем, там будут угли,
Мы Коммунизм швырнем в овраг —

Пусть там гниёт себе отбросом,
Мы будем сверху же плевать,
Вот и не будет он Колоссом.
Вперёд, всё рушащая рать!

– Никто не ждёт пусть ввек пощады,
В зачатые даже и дитя,
Стерев весь мир, войдем в парады,
Орлом над ним, страша, летя.

– Не будет наций в мире больше,
Одна лишь наша и вовек!
Для нас в избытке будут гроши,
Рабов остатку – пряник-стек!

То власть советская всё знала,
Вмиг подняла страну на бой
Отважно, мощно, без забрала
И с гордым взглядом, головой!

Судьба решалась дивной власти,
Добыл себе что весь народ
Сквозь мор, борьбу и все напасти,

И эта власть ему – оплот,

От всей души она любима,
Ведь как заботливая мать,
К его невзгодам нетерпима.
Ну как её не защищать?!

И все от мала до велика
Её прикрыли, будто щит,
Врага пронзала кары пика!
Народ – он силы монолит.

Рабочий бил его, крестьянин,
Сражался с ним интеллигент,
Солдат громил, хоть был и ранен.
Нет, не убить страну в момент!

С того ярил враг изуверства,
Пил кровь жертв, грабил, жёг дотла:
– Нет на земле Советам места!
Но нет их варева котла:

Советы могут защищаться,
Народ велик, непобедим,
Не хочет жизни он эрзаца,
Отвагой он неутомим.

И Фёдор, юноша чубастый,
Как миллионы всех других,

Среди защитников был касты,
Среди бойцов был дорогих,

В рядах отважнейших Царицы
Великих браннейших полей.
Он с честью выполнить стремится
Свой долг, врага громя сильней!

Хотя сперва и отступая,
Врага ведь мощный натиск был,
Как грифов, воронов вокруг стая,
Вскружил враг хищный, алчный пыл...

Но Русь всегда стояла твёрдо
В борьбе с врагами с всех сторон,
Глядя в глаза их смело, гордо,
Могильный им неся урон.

Теперь, когда народ хозяин
Всего и вся в своей стране
От сердца-дива до окраин,
Готов сразиться он вполне,

Спасти строй милый, благородный,
Родное детище своё,
От капитала преисподней,
Вон усмирив её зверьё —

Немецкой нечисти фашистской,

Встав против мощно, как один,
Не допуская краха близко,
Неразберихи всех рутин.

Порядок чёткий был и строгий
На фронте жарком и в тылу,
Нет, не подкашивались ноги
Перед врагом, не дав в золу

Вон превратить свою землю
И защита советский строй,
В вождя все верили, в столицу —
В том Коммунизма был настрой.

Вот Фёдор был и пехотинцем,
Как миллионы, он боец,
Врага всё потчевал гостинцем —
Пронзаньем пулями сердец.

Ну первый бой всё ж был сумбурный,
В атаку шёл, крича «Ура!»,
Отбросив замысел вон шкурный:
А не спастись ли где пора?

Врага воочию не ведал,
Тот скрытен был среди всех засад.
Но ведь нужна, нужна Победа,
Ну, берегись, фашистский гад!

И он строчил из автомата,
Вон инстинктивно взвив чутьё,
Где тот. «Тебе за всё расплата,
Гад, за Отечество моё!»

Он знал Приказ ввек командира,
Был исполнением увлечён,
Ведь он народная секира!
То каждый миг всё помнил он.

Он всё выискивал места те,
Откуда смерти надо ждать,
Туда приказ давал расплате
Своей стрелять! За землю-мать.

Вот так чутьё и появилось,
Где враг засел, чтоб выбить вон!
И не была в тот миг в нём милость,
Был беспощаден в мщенье он.

В ушах от выстрелов звенело...
Снарядов взрывы! Дрожь земли...
Свист встречных пуль вокруг то и дело!
В могилу всё же замели,

Ох, преждевременно ребяток,
Прикрыла землю вмиг их грудь,
Весь крови вылился остаток...
– О мать-земля! Нас не забудь,

Тебя всем сердцем мы любили,
Навеки в нашей ты душе.
То хорошо – не ты в могиле,
Борись! Не будь ввек в мандраже.

То Фёдор видел, лились слёзы
По всем товарищам-друзьям...
За них он мстил: «Вот вам, стервозы!
Вот уйма вам могильных ям!»

Пуль автомата веер брызжет!
Уж заменён который диск,
От наступающих враг ближе...
Разгромлен, значит, будет вдрызг!

И оказалось это точно,
Враг дрогнул, спины показал,
Хоть укреплён был очень прочно,
Но наступающих яр-вал

Вон смыл все эти укрепления,
Из их щелей врага извлёк
И дальше ширил наступленье,
«Котла» навесивши замок,

И добивал, кто огрызался,
А кто был в панике, брал в плен,
Дрожала нациков вон раса,

Её надменности был тлен...

Видать, храбры, коль нет отпора,
Смелы гражданских истязать,
Тут мастера они всех мора
И изуверства. Злобы тать,

Они кровавые вампиры,
Пить кровь им мира – сладость, блажь,
Кто изошрённей, – те кумиры,
Впадают вслед в ажиотаж!

Поганят земли покорённых,
Вон экономику убив,
Лишив жилищ и благ законных,
Себе богатств стремя прилив,

А честь и совесть мировую,
Кто комсомолец, коммунист,
Несут всем правду что святую,
Душой и сердцем каждый чист,

Уничтожают изошрённо,
Их силы дел вон убоясь,
Их сразу ставя вне закона
И гордым ликом тычут в грязь,

Они ведь истину явлений
Всеми представляют, их любя,

Правдивей нету их суждений,
Ввек не щадя для всех себя.

Они все кормчие ко благам
Тех, кто свершает вечно труд,
То большинство, идут за стягом,
Что коммунисты вдаль несут!

Вот их стремят к уничтоженью
Фашистов орды без конца,
Легко без них идут к имению
Народов, стран, вонзив свинца.

А Фёдор был уж комсомольцем,
Тем от души вон возгордись,
Был в сути жизни не уродцем
И в убежденьях не карась.

Колхоз он принял без сомнений,
Труд коллективный восхищал,
Его ввести мог только гений,
Ведь он итогом был не мал.

Что перед ним был одиночка?
Нет ведь ни техники, ни рук,
Вот и всё сделать заморочка,
Повесься с горя хоть на крюк...

А коллектив – задор, успехи

И любви душам трудодни,
Ведь сообща уймут помехи,
А впереди – всех счастья дни!

К тому ж, в душе такое чувство,
Что жизни новой ты творец,
Вот и работаешь век шустро,
Не задвигая дел в конец.

И успеваешь в огороде
Своём всё сделать, во дворе,
Да ночь почти под сласть мелодий
Танцуешь, кончишь на заре...

Какой энергии запасы!
Какой безудержный настрой!
Вот и не точишь блёкло ляды,
За жизнь чудесную горой,

Взбрыкнёт ворчливо коли скептик,
Встаёшь: «От жизни не отстань,
Купить в Грядущее билетик
Успей, смысл Завтра не тумань».

И вот когда стране опасность
И озверевший враг зло прёт,
Непререкаемая ясность
В душе видна у всех: Оплот

Не только Армия, но каждый
Жизнь, землю, строй свой защищать
Обязан, жизнь отдать ввек с жаждой,
В непобедимую встать рать!

И Фёдор, как и миллионы,
С врагом смертельный бой ведёт,
А в нём свои всегда законы,
Где главный – лишь идти вперёд!

Опасность, смерть вон презирая,
Врага разгром – одна лишь цель,
Его вон вышвырнуть из края,
Устроив смерти карусель!

И вот был Фёдора бой первый...
Подхвачен он лавиной всех,
Возбуждены до жути нервы,
Но нужен боя лишь успех!

Бежал, ища врага в укрытье,
Туда и яростно стрелял!
– Но сам хочу безумно жить я,
Ведь срок мой жизни очень мал.

В окоп немецкий он гранату
Швырнул! И только стих разрыв,
Как и положено солдату,
В окопа бросился обрыв!

И вдруг! Глаза увидел немца,
Оторопел на миг в момент...
*«Ну даст сейчас сполна мне перца,
И буду смерти я клиент».*

Аж пот прошиб в момент холодный...
Стал учащённым сердца стук!
– Что говорил пред боем взводный?
«Держи удачу парой рук!»

Сразить мне первым гада надо!
Но что-то странные глаза
Средь физиономии оклада,
Под каждым крупная слеза...

Их взгляд застыл окостенелый
Среди лица сплошных гримас...
И стал вмиг смелый! *«Да он ведь... мёртв!»*
Вздохнул отрадно, да не раз...

Настигла праведная кара,
Какой бесформенный стал вид...
– Что, получили жара-пара?
Вот так расплата вас разит!

Перешагнул и по траншее,
Стреляя вдоль, рванулся вновь!
И стало вовсе не страшнее,

Врагу и дальше смерть готовь!

И немцы дрогнули, нырнули
В другой, второй уже, окоп...
Их догоняли наши пули,
Кромсали, будто как укроп!

А тут, чуть бой притих уж вскоре,
Была б глухая тишина,
Да все бойцы вновь были в сборе:
Не вся задача решена,

Ведь немцы были в отступление,
А, значит, надо дальше гнать,
Не сдастся кто, – уничтоженье!
Земля то требовала – мать.

Возбуждены итогом боя,
У всех был радостный настрой,
С желаньем бить фашистов вдвое,
Вот неуместен был постой.

Тем паче, с неба наши асы,
Гроза врага – штурмовики,
Пуль и снарядов жгли запасы,
Уроны немцам велики

Уж наносить пустились снова,
Как бы пехоту в бой зовя,

Она Победы ведь основа,
«Полей царица» – чин не зря.

Наш «Бог войны» тут громогласно
Заговорил!.. То артобстрел
Разил позиции опасно,
Чтоб немец в панике осел,

Теряя технику, себя же,
Сгруппироваться бы не смог,
Чтоб наступленье было в раже
Пехоты с всех строптивых ног!

И точно, выверивши силы,
Пехота слышит вновь приказ:
– Догнать врага, загнать в могилы —
Такая цель у всех у нас!

И вновь «Ура!» летит тем в спины,
Ввергая в страх их подлый дух!
Как в старину мечи, дубины
Врагов разили в прах и пух.

Был каждый в радостном сознанье,
Что немцев можно-таки бить,
И было в том души пыланье,
И храбрость, боя снова прыть!

Неслись, без промаха стреляя...

Гигантски-храбрый дух какой!
– То за тебя, страна родная,
Мы мир дадим тебе, покой.

Вновь Фёдор знал свою задачу,
Стремился чётко исполнять,
Имел отличную отдачу.
Но огрызалась всё же тать...

Вот пересилить-то и надо,
Ведь дело правое у нас!
Мы героического склада,
О том издревле был ведь сказ.

И всех былинных наших предков
Не посрамим мы и теперь,
Страна не будет средь объедков,
– В победу нашу вечно верь!

Летели танки, грохотали
Их неуёмные стволы!
И под прикрытием танков стали
Бойцов вперёд неслись валы,

Чтоб захлестнулись мёртво точки
Сопrotивления огня,
Чтоб вдаль спешить без проволоочки,
Они ведь храбрости родня.

И Фёдор жив был и не ранен,
Шальная пуля обошла,
Он был активным в вражьем стане,
О нём не брезжила хула.

И враг был натиском вон сломлен,
Повержен, сдался мрачно в плен.
Стоял боец наш не за дом ли?
Он от него гнал напрочь тлен.

Но не избёг всё ж Фёдор бестий —
Фашистских пуль рои вокруг,
Узрел зиянье он отверстий,
Не причинивших, к счастью, мук,

Уже на отдыхе недолгом,
На гимнастёрке в двух местах
И в брюках... Знать, храним он Богом,
С того и был на небесах!

— Знать, я такой неуязвимый, —
Он в то уверовал сполна, —
Что облетают пули мимо,
А потому душа вольна,

Презря в боях все опасенья,
Век не боясь, вперёд идти,
Бросая смерти вон презренье,
Врага сметая вон с пути!

А потому был бесшабашным,
А, значит, храбрость в нём жила,
В бою находчив был и страшен
Солдат от славного села.

В атаках был искусно ловок,
Не примитивная мишень,
Развил он высь своих уловок,
Их умножая каждый день.

И в этом был другим примером,
Он подражанья образец,
С того успех всех не был серым,
И каждый был лишь молодец.

В окопе три убитых немца,
Когда гранату бросил он
Вон от озлобленного сердца,
И смерти тех был вмиг поклон.

– Пока не будет уничтожен
Фашист последний вон навек,
Не будет отдыха, сна ложа —
Таков советский человек!

Мы не народы-паникёры,
Что пред врагом, как холодец,
Дрожать панически что скоры,

Из нас ввек каждый молодец,

Ведь мы советского закала,
Из нас всяк стоек средь всех бед,
Вот сила мощною и стала,
Во всём успехи, сласть Побед!

Себя от немцев защищая,
Собой спасаем этим мир,
Ведь к всем любовь у нас большая,
Страна Советов – всех кумир

И жизни новь и благ всеобщих,
И равноправие людей,
А все устои в мире тощи,
Всё идеалами хилей...

СССР – всех душ прозреньё,
Пример, как жить должны всегда,
Не в чаде ввек закабаленья,
Где социальная беда

Гнетёт трудящиеся массы,
Тем создавая кучке рай
Транжир, бездельников, чьи кассы
Набиты подло через край.

Вот не хотят всех благ лишиться,
Вот потому пошли войной

В страну и вгрызлись, как волчица,
Со всех сторон идут стеной...

Всё рушат, жгут, вон убивая
Остервенело всех подряд,
Пустыня чтоб была до края,
Людей остатку метят ад.

Какой энергии народу,
Чтоб выжить, надо в этом быть!
Не покориться чтобы сроду,
Отпора мощь усилив, прить.

Так думал Фёдор и другие,
Патриотизма дух высок,
За строй и земли дорогие
Отдать бы каждый жизнь вмиг смог —

Так дорога страна с пелёнок,
Любовь и гордость от души.
Но было много «похоронок»...
Победа, слёзы иссуши!

И каждый подвиг – шаг к Победе
И заразительный пример
Живым, бесценное наследье,
Фиаско вражеских химер.

И будет враг добит живыми,

В ком сила духа высока,
И надо в этом быть стальными,
И мощь напора велика.

И Фёдор шёл вперёд всё с частью,
Влекомый ясностью задач,
Подвержен тяготам, ненастью,
Над всеми – знамени кумач!

Он раздражает богатеев,
Животный вызвавши в них страх,
И прут ордой, войну затеяв,
Советы сжечь чтоб на кострах.

Да оплошали, просчитались:
Непобедим народный строй!
Им не убить коммуны завязь,
В труде, в бою ведь всяк Герой!

С того видны и результаты.
То Фёдор также показал:
На танках мчались супостаты
За валом вал, за валом вал,

Землицу милую утюжа,
Ведя свирепейший обстрел,
От «красных» чтоб осталась лужа,
Навеки месиво их тел...

Ползло страшилище стальное,
Дыша вдрызг гарью и огнём,
Чтоб нервы не были в покое,
Заржала б паника конём,

Вон прочь бежав, как тараканы,
Позиций мощь с того вмиг сдав,
Давили б танки их – титаны...
И поражения удав

Обвился намертво б на шее
И уволок в могильный плен.
Всё ближе грохот, всё страшнее...
Но нет порядка перемен

В рядах защитников землицы,
Советских страхом не возмёшь,
Лишь посуровели всех лица,
И не гнетёт психоза дрожь.

На место, Фёдор где в окопе
Вёл оборону, мчался танк,
Пройдясь вон резво по Европе,
И по Советам метил так!

А потому спешил нахально,
Вкруг изрыгаючи огонь!
Раздавит «красных», мол, повально,
Век не спасёт от смерти бронь.

В руках у Фёдора тут связки
Вмиг появились две гранат.
Но ввек действительность не сказки,
В них всё легко, все говорят.

А тут реальность, нету чуда,
Но знал методику борьбы
Он, чтоб без паники и блуда,
Вон с танков как отсечь горбы.

А потому навстречу двинул,
Вон извиваясь, будто уж,
Остановить чтоб танк-машину,
Что мощью, наглостью был дюж.

Конечно, выстрелом тот ствольным
Разнёс солдата б на куски,
Но экипаж, как на застольном
Пиру был, недругом тоски,

Он в пулемётные взял клещи
Солдата, чтобы тот не смог
Не то, чтоб встать с гранатой резче,
А это действие на замок

Закрыв б, уткнувшись в землю с страха,
Руками голову закрыв, —
К нему, рыча, спешила плаха,

Убить чтоб мужества порыв

И раздавить желая всмятку, —
Так Фёдор в пуль кольцо был взят...
Чуть шевельнись, и ввек заплатку
Уж не пришьёшь от них, ведь ад

Несли они жестокой смерти...
А экипаж весь хохотал,
В аду над грешником как черти,
Справляя дикий, страшный бал!

Что танк аж трясся в резонансе
С того, с всех гусениц спеша
Всё по своей кровавой трассе,
Солдата сгнула б душа...

Но на пригорок тут наткнулся
И вверх задрал свирепый нос...
И нет уж в Фёдоре вмиг труса,
Не стал ведь в рое пуль, что ос,

Он на какое-то мгновенье,
Посмел взглянуть и оценить
Уж обстановку, взвивши рвенье,
Чтоб осадить того вон прыть.

И рассчитавши расстоянье,
В момент поднялся в полный рост,

Гранат свершил рукой метанья:
Броски! Разрывы! На погост

Пришёл танк свой, встав очумело
И развернувшись резко вбок...
Броски свершил всюду умело!
С того вон гусениц клубок

В момент с колёс и намотался,
Огонь машину охватил...
Чванливый вид исчез вон аса,
Гляделся куце, мощью хил...

Бегут, как крысы с корабля вон,
Когда идёт он вдруг ко дну,
Так экипаж, предвидя саван,
Имел мысль в панике одну:

Спасти бы милую вмиг шкуру!
А потому все члены враз,
Не предаваясь перекуру,
Через люки лезли без прикрас!

Потуги спрятаться лишь тщетны,
Ведь Фёдор сдёрнул автомат
С плеча вон! Стали враз скелетны
И неподвижны все подряд...

Всюду трудились наши пушки!

И не один уж танк подбит,
И их повяли напрочь ушки,
И стал прискорбным, кислым вид,

И резво пятясь, отступили,
Всё ж огрызаясь по пути...
Нет, не желают быть в могиле,
Спешат быстрее уползти...

Так захлебнулась их атака,
А наши с боем шли вперёд!
Ведь в нашей стойкости нет брака.
И Фёдор встал уж, не ползёт.

Патроны тратятся из дисков
По силе вражеской живой!
Могил её навек прописка
Здесь будет, проклята страной.

Во славу Армии Советов,
Всех командиров и бойцов,
В боях победы что изведав,
Не знали духу образцов.

И Ставка мыслила глобально,
И каждый фронт – велик стратег,
А потому успех повально!
В обратный пятится враг бег,

Теряя в нём свою нахальность,
Непобедимости с ней миф,
Ярится, впавши в злобы крайность...
Солдат Советов не пуглив,

А обзаводится всё силой,
Вбирает опыт от боёв,
Любим страной своею милой
И всем народом до краёв,

А то солдату ввек подмога,
За что бороться, знает цель,
И опасенья и тревога,
Нет, не ввергают в карусель.

И на позиции уж новой
Был Фёдор, часть уж вся его.
Но отчего нога здоровой
Размером стала – о-го-го?..

Распухла, давит голенище,
Не снять с усилием сапог,
И из него течёт кровища,
И шаг строптивый занемог...

Лишь голенище вон разрезав,
Из плена ногу он извлёк,
Пронзило пули, вишь, железо
Её насквозь, вот ручеёк

Сочился крови беспрестанно,
Наполнив доверху сапог...
Голеностопа это рана,
Что наступать совсем не смог,

А волочил, как груз, поклажу...
Но санитарка тут как тут!
– Перевяжу, родной... Намажу
Я мазью, взявши ногу в жгут...

В стан лазарета полевого
Попал так Фёдор, сил ведь нет,
В атаки мчатся чтобы снова,
Желая в них всегда Побед!

Как на врага чесались руки,
Чтоб гада напрочь раздавить
За все страны, народа муки,
С врага сбить спесь вон, злобы прыть!

Но был в движении он скован,
Ведь в анкилозе уж стопа...
Не мог он бегать прытко снова,
Давить, давить врага-клопа!

Настырно, стиснувши вон зубы,
Ходьбу осваивал и бег —
Он с хромотой был страшно грубой,

Но не хотел быть средь калек,

А наравне с другими драться
Во всех желаннейших боях,
Другим товарищем быть, братцем,
Всегда на всех войны полях,

Изгнать фашистов чтоб с землицы,
Милей которой в мире нет,
Чтоб вплоть до смерти с ними биться,
До сласти наших Побед!

Ведь каждый, каждый на учёте,
Был дорог, числился боец,
Необходимость он на фронте,
Сражений, храбрости он спец.

Не мог вот Фёдор лишь угнаться
За всеми с этой хромотой...
– Уж вы за то простите, братцы,
В атаках числюсь что пятой...

Душой в рядах, конечно, первых,
Ведь трусом не был я вовек!
Сейчас я слаб, гнетут всё нервы,
Что хил в атаках стал мой бег...

Вот и сейчас скачу лягушкой,
Уж ваши спины вдалеке,

Бегу то лесом, то опушкой...
Вон «мессершмитт» в своём пике

Свинцом нас сверху поливает...
Да вдруг заметя «ястребка»,
В нём трусость стала удалая
И жажда жизни глубока,

Что вмиг шарахнулся в сторонку!
Чтоб шкуру гадкую сбересть...
Но «ястребка» ему вдогонку,
Чтоб сбросить гада с неба плеч,

Летит кинжальная расплата
Взъярённых ненавистью пуль!
Они не любят вечно пата,
Кладут врага в смертельный куль.

И «мессмершмитт» не исключенье,
Он задымился, клюнул нос
Его в землицу вон в мгновенье,
Взорвался напрочь подлый пёс!

С того пехоте стало легче,
Придало бодрости и сил,
Она гнала врага далече!
Он с страхом ноги уносил...

Цвели бойцов улыбкой лица:

Они Победы ведь творцы!
Их не удержишь, чтоб не биться,
Как бились деды и отцы,

Бои за правое ведь дело,
А значит, должен быть успех,
А потому «Ура!» гремело,
Неслось с солдатских уст со всех!

Врага вон в ужас приводило,
Повергся в панику и в дрожь —
Страна встречала так немило,
Давя мерзавцев, будто вошь...

Бежал и Фёдор, вдрызг хромая,
Ствол автомата жёг огнём...
И вдруг! О мать пресвятая!
Чуть не застыл, как будто пнём:

Из леса кралась тихим ходом
Машина немцев... Ведь в тылу!
На ум был Фёдор не уродом,
В момент у трезвости в пылу!

— Аль заблудились, супостаты,
Удравши с боя под шумок,
За жизнь дрожать великоваты,
Пугливо сжавшись в комок?

И автомат тут моментально
По немцам яро застрочил,
Кося сидящих вон повально,
Не укрощая страсти пыл!

Вдобавок брошена граната!
Машине сразу стал «каюк»...
То за страну была расплата,
За кровь её, за зверства мук.

Шофёр сражён, охрана бита
От превентивных грозных мер,
Стонала чванная элита
От ран... Был это офицер.

Не приходил от пуль в сознание,
Конвульсий тягота была...
Как было Фёдора желанье
Добить его – и все дела!

Заметил Фёдор, что с ним рядом
Лежал целёхонький планшет,
Грозил, быть может, нам он адом,
Чтоб не видать нам ввек Побед...

Он взял его с охочим рвеньем.
Ворча, припомнил вдруг приказ:
Брать офицеров в плен с гореньем
Души, что пользу те для нас

Вдруг принесут, раскрывши тайну
Военных планов, жаждая жить?
– Как жаль, добить его не стану...
Не плача чуть, смирил в том прыть.

Тащи его теперь брезгливо,
Как подневольный будто раб,
Вон исказя лицо прекриво,
Как был приказ, быстрее в наш штаб...

И поволок туда он тушу,
С натуги тягостно пыхтя...
– Тяжёл зверь... вымотал всю душу!
Для чё снесла ты, мать, дитя?

Нет, не для радостного смеха
Нас всех, Европы жалкой стран,
Для гегемонии и Рейха,
Всучив фашистский миру стан.

Страна Советов – только сила,
Вон эту гидру разобьёт,
Зло поглотит лишь здесь могила,
Ведь наш един, силён народ!

Страна Советов – мира диво,
Для всех трудящихся, что рай,
Стоит свободно, горделиво,

Её, фашист, век не замай!

Мощна она своим отпором,
Жить в ней любезно, благодать,
Идут все к Счастью шагом скорым,
Оно сияет, уж видать!

И доволоч он офицера
И в штаб, положено как, сдал.
Очнулся тот, гляделся серо
И не был храбростью удал...

И был, конечно, в обороте,
Насел на немца ведь допрос,
Гад был со страха аж в икоте,
На планы тайные донёс.

С того и стало нашим легче,
И наступленья был успех,
Врага погнали уж далече,
Жизнь сберегли почти для всех.

И был Командующий фронтом
Доволен этим: «А солдат,
Взяв офицера личным потом,
Достоин почести, наград».

И вот торжественно пред строем
Был орден Славы водружён

На грудь солдата, что Героем
Стал вдруг, примером всем был он.

Как он, быть всем уж захотелось,
На подвиг ринуться любой,
Бесстрашие взвивши, храбрость, смелость,
Стремилась воины все в бой!

За танк фашистский, офицера
Была награда вручена.
Все уважали кавалера
Её, Советская страна.

Победы будут лишь с такими
И ими будет враг разбит,
Пав перед силами людскими,
Чей беспримерно храбрый вид!

А получив награду, права
Уж быть не храбрым, не имел,
Лишь впереди! За ним шла лава
Однополчан победных дел!

И Фёдор, опыт набирая
В кровавых с немцами боях,
Не тылового был ввек края, —
В передовых всегда рядах!

Превозмогал он боль раненья,

Да что оно, коль рана всех?
Вперёд! В атаки было рвенье,
Добыть для Родины успех!

И пуля, к счастью, обходила,
Не наседал с небес снаряд,
Как берегла его чья сила, —
И так несчётно дней подряд...

Он отвергал к себе вон жалость,
Ведь на войне бойцы равны,
Чтоб в передрягах не икалось,
Глаза чтоб не были срамны.

Одну задачу выполняли,
Одна священная лишь цель:
Фашистов гнать в их злобы дали,
Как псов, вон вышвырнув отсель!

А потому одной дружиной
Все были днём, среди ночей,
Одной могучею пружиной,
Крепя союз свой горячей.

Взаимовыручка, подмога —
Их благородная черта,
Ведь на войне то значит много,
Боёв с ней легче суета.

Одна семья, друг другу братья,
Стальной, крепчайший вечно строй,
Успехов с ним ввек многократье,
И каждый в нём всегда Герой!

Ценили все ведь жизнь друг друга,
Всегда с того и берегли,
И было легче всем, не туго,
В успехах все не на мели.

Фронт подминал фашистский Запад,
Жизнь возрождая за собой,
Стране, народу был то рапорт,
Что не с печальной те судьбой,

А восстают живьём из пепла,
Жизнь воскрешая из огня,
А потому страна и крепла,
К всем счастье снова помяня.

Исколесил дороги Фёдор
Фронтов и летом и зимой,
И покорил весной он Одер,
Уж на Берлин был путь прямой!

И вот тут – надобно ж случиться! —
Бойцов у пушки недочёт...
Не воскресит их ввек живица —
Так поредевшим стал расчёт...

Противотанковая пушка
Была, ох, немощна без них...
Пустая будто-бы игрушка,
И грозный норв сразу стих...

На нас же танки прут фашистов,
Их контратака – ярый зверь!
В своём безумстве он неистов...
Ужель сомнёт он нас теперь,

Когда уж логово мы видим,
Аж до него подать рукой?
Отступим – будем мы в обиде
Век на себя, изъяв покой.

У пушки только лишь наводчик,
Таков её теперь расчёт...
И сник её бойцовский почерк,
Её в бою уж недочёт.

Наводчик мечется в ударе
В бою всем нужного труда,
Хотя бы был он с кем-то в паре...
– Эй! Слышь, солдат, иди сюда! —

Кричит он Фёдору призывно, —
Быстрее снаряды подноси!
Вишь, танки хлещут нас крапивно...

Аль мы пред ними караси?!

Вот так взрыватели вставляй-ка
И вмиг снаряды подавай!
Успех такая даст нам спайка,
Пожнёт свой пушка урожай!

И Фёдор делает то резво!
Прервался пушки мрачный сон,
И мощь снаряда в танк вмиг влезла,
И окочурился враз он...

И воссияли дружно лица,
Азарт усилился стрельбы!
– Так-так, браток, нам и годится,
Ведь мы хозяева судьбы,

Наш бой с врагом всегда в ударе.
Снаряд быстрее подай опять!
Как хорошо с тобой быть в паре.
На, получай гостинец, тать!

А танки прут всю стену
И смертоносно вокруг плюют...
– Как хорошо быть, друг, с тобою,
Устроим гадам всем *«капют!»*.

Как будто рук у них уж сотни,
Всё успевают, храбрый дух!

– Не шавки мы из подворотни,
Солдат Советов не лопух!

Не хил, не трус он, не презренный,
Великой Правдой осенён,
Падёт пред ним вон враг надменный,
Свой изуверский снизя тон!

Снаряды пушка мечет, мечет!
Аж раскалился жарко ствол...
На миг притихнуть нет ввек речи,
Её удар в бою тяжёл!

Вся, вся в работе батарея,
Атаку немцев чтоб отбить!
Тот победит, кто ввек сильнее,
В ком Правды дух, ум, действий прыть.

И дрогнул враг, бежал трусливо,
Не помогла и сотня жал...
Воспряли наши горделиво!
За ним взметнулись, будто вал,

Чтоб на плечах его ворваться
В стан зла и мусор как, смести!
– Ура! Вперёд! В атаку, братцы!
Обратно нет у нас пути.

Ползли прочь танки, огрызаясь,

В надежде, что им повезёт...
Надежды чахла что-то завязь,
С того катил холодный пот...

Была врагу то катастрофа,
Разгром полнейший, серый плен
За зло расплата и голгофа,
Идей имперских напрочь тлен...

Наш взвился флаг, всласть гордо рея
Над вдрызг поверженным врагом!
Вперёд пошла и батарея...
И к пушке Фёдора бегом,

Чтоб компенсировать нехватку
Её расчёта, от других
Расчётов пушек по порядку
Бойцы примчались, дать под дых

Врагу уже чтоб мощью полной,
Как остальной их грозный ряд,
Быть канонаде чтоб достойной,
Огня врагу подбросив ад!

И Фёдор влился вновь в пехоту,
Что завершает век дела,
Не отступая ни на йоту
От цели, что их всех вела.

Победа радость придавала,
Был Фёдор ею окрылён,
Ведь дрались храбро, без забрала,
Не осрамив своих знамён!

Наводчик обнял на прощанье
За помощь Фёдора в бою,
Души то было ведь пыланье
Излить признательность свою:

– Ну, будь здоров всегда, дружище!
Быть может, встретимся когда,
Уж раздавя врага-клопище,
Хоть через многие года,

И покалякаем в охотку,
И вспомним случай тяжкий сей,
Как оживляли пушке глотку
Тогда с энергией мы всей.

Да не остынет наше братство,
А вечно радостно живёт,
Иного надо ли богатства?!
Ну, будь жив, друг, иди вперёд!

И честь друг другу ввласть отдавши,
Расстались. Может, навсегда...
*«Сойдутся ль вновь дороги наши,
Сведёт ли счастье, аль беда?..»*

Взвод отыскал свой Фёдор вскоре
И командиру доложил,
Мол, вот такое было горе,
Оно изъяло много сил,

А потому и задержало
И отщепило ото всех.
– Но постреляли мы немало,
И был тех выстрелов успех,

Ведь пропахали коридоры
Пехоте в стане у врага —
Такие выстрелов задоры!
Ему что сбили вон рога.

То батарея подтвердила,
Хвалу враз Фёдору излив:
– Взаимопомощь – наша сила,
Успехов общих ввек прилив.

И за поступок этот взводный
Поставил Фёдора в пример,
Призвал, чтоб каждый был с ним сходный,
Солдат советский, мол, не сер,

Любую выполнит задачу,
Войдя в находчивость и ум,
Не превращаясь с страха в клячу

И не дрожа с позорных дум.

И вновь цель – логово фашистов,
Чтоб был навек его разгром,
Не замечали пуль все свиста
И не страшил разрывов гром.

Рубеж последний с боем брался,
Враг огрызался, щеря пасть...
Но уж сдержать солдата-аса,
Нет, не могла фашистов власть

И отступала шаг за шагом,
Вон поднимая руки вверх...
Вот-вот и будет над Рейхстагом
Советский стяг на радость всех!

Весна оденется нарядно,
Начавши жизни новый год,
Пройдёт победно и парадно
Многострадальный наш народ,

Освободив народы мира
От всех фашистских страшных зол,
Освободителя-кумира
Посадит мир к себе за стол,

Воздавши почести и славу
И героизмом восхитясь,

Признав великим век по праву:
– Да, он от смерти спас всех нас!

За что признательны вовеки,
То в поколениях будет жить,
Купить обратное копейки
У нас не смогут, взвивши прыть,

Советы жизнь нам дали, счастье,
Век не забыть их жертв, при том,
Они нас вырвали из пасти
Фашистской, щерил что притон.

Советы – братья нам родные,
Во всём товарищи всегда,
Пути развития иные,
Чем строй их? Нет! И никогда!

А потому лишь с ним мы в братстве
Начнём отныне жизнь свою,
Свободны, радостны, в богатстве,
Не от прогресса на краю.

И стелен путь солдат цветами,
Улыбок солнцем освещён!
Все в феерической вокруг гамме:
Солдат Советов сверхсилён!

Всласть поцелуи всех, объятья!

Всех слёзы радости текут...
Ведь жизни стало конопатье,
Не стало рабства страшных пут.

И кто-то Фёдора всё тискал,
Как остальных вокруг солдат,
Какая радость быть с ним близко,
Прекрасный был всех душ парад!

Но надо в логово фашизма
Последний сделать бы бросок!
Да вдруг судьба пошла капризно,
И вечно в том её порок...

Был враг в агонии смертельной,
Клочка земли не отдавал
Без боя, битвы карусельной,
Ответно дыбясь, будто вал!

Пройти чрез это предстояло,
Трудней атаки боя нет,
В ней погибает нас немало,
Она не милый ведь балет.

Везде опорные всё точки,
Ловушки, минные поля...
А надо взять без проволочки,
Вражину с ног вон поваля!

Как все, и Фёдор был в атаке,
К врагу он мчался напрямик,
В азарте бывши этой драки!
Да вдруг издал прискорбный крик!..

Боль тело яро поразила!
Разрыва гром вон оглушил...
Сознанию стало вдруг постыло,
Стоять не стало сразу сил,

И рухнул он, как был подкошен,
И разлилась кровь ало вокруг...
И вида не было ввек горше,
Хоть он не чувствовал уж мук...

Лежал, уткнувшись, неподвижно,
Не приходя совсем в себя...
Лишь взрыв гордился тем престижно,
Свой дух в сём действе возлюбя.

Лишь темнота и нет вокруг жизни,
И не слышны уж звуки, речь...
Он отдал долг своей Отчизне,
Себя не смог же вот сберечь...

Но санитаркой был подобран,
Очнулся в госпитале лишь.
Испуг ужалил, будто кобра,
И огласилась воплем тишь:

Руки ведь левой вдруг не стало,
Заместо был пустой рукав...
Здоровью то была опала,
В боях её премного прав.

Шальной снаряд то разорвался,
Врагом был пущен наугад,
И вот сразил солдата-аса
Всеми ненавистный супостат...

Он был, как многие другие,
Направлен в госпиталь быстрее,
Там операции лихие
Им совершали, здоровей

Чтоб были, даже чтоб немного,
Страшил растерзанный их вид,
Хирурги были, как от бога,
Их опыт действий сноровит.

Тела латали беспрестанно,
Не зная отдыха и сна.
Иных всё тело – сплошь лишь рана...
Врачей работа – сверхчестна.

В их душах было состраданье:
– Ну потерпи, браток-солдат...
Уйдёт, верь, боли измыванье

И твой спокойным станет взгляд,

Всё мы предпримем, что возможно,
А ты мученья пересиль,
В боях ведь так же было сложно,
Но страхи сдали вы в утиль.

И Фёдор щупал всё, не веря,
Руки навеки что уж нет...
Ах, как привыкнуть к этой вере?
Но в том жестокий лишь ответ.

Стонал он, яро стиснув зубы,
Впадал беззвучно часто в плач...
Всё мыслей высились срубы,
Глаза от слёз – сплошной кумач...

Тряслась кровать от тяжких всхлипов,
Полна сочувствием к нему,
Своих не сдерживая скрипов,
Чтоб было легче чуть ему...

Другие то не замечали,
У них своя была беда,
В своей варились все печали...
Была гнетущая среда...

Вдруг Фёдор сядет на кровати
И смотрит вдаль, не шевелясь...

Он не в своей пехотной рати,
С того в душе сплошная грязь...

Но ловит ухо сообщенья
О продвиженье наших войск,
И жаждет он с того в сраженье,
Тем укрощая боли лоск!

А тут и радость вдруг: Победа!
Добит вон в логове фашист!
В кроватях каждый непоседа:
Порыв друг к другу разом, чист!

Обнялись все, явив улыбки,
Забывши немощь, тягость ран,
Хоть на ногах и были хлипки:
– Ура! Повержен вон тиран!

И каждый мыслит, строит планы,
Каких он в доме будет дел?
Поднимут с горькою стаканы!
А там уж каждый и запел...

Припомнят павших и погибших,
Помянут, тяжкий выдав вздох...
В домах разбитых, не под крышах,
И скажут: «Быт как вкруг, ох, плох...»

Но верят: быть восстановленью!
Продолжат жить, как кто мечтал,
За труд возьмутся, да не с ленью,
Пахать начнут, давать металл.

Труд будет каждому по нраву
И урожайный ввек итог,
С того добудет каждый Славу,
Авторитет стране высок.

Стекались воины все к дому,
Под мыслей радостных парад!..
Хоть рукаву не рад пустому
И дум, руки что нет, что ад,

Спешил домой, как все, и Фёдор,
Не замечая хромоты,
За ним всё дальше, дальше Одер...
А он всё мял и мял версты

И ужасался вокруг разрухе:
– Ох, будет тяжко возродить,
Всё у войны погрязло в брюхе.
Восстановленья взмечем прыть!

И рукава в трудах засучим,
И напряжём на благо мозг,
И всё вокруг-то станет лучшим,

Мы наведём всего в нём лоск!

Залечим тел и душ все раны,
Век обороны будет твердь,
Нас прославлять все будут страны,
Враг не пойдёт войною впердь!

Идёт, мечтает Фёдор пылко,
Что так и сбудется сполна.
– Ведь в нас смышлёная век жилка,
Не пропадёт с такой страна,

Как муравьи мы будем, пчёлы,
Семьёй единою в труде, —
Все города, посёлки, сёла,
Взрастут в своей, как мёд, судьбе,

Для мира будем мы примером,
Нам каждый будет в нём, что брат,
Социализм не будет серым,
Не попадёт – ни в жисть! – век в пат,
Лишь в нём всех Равенство и Братство,
Век ни над кем не властен гнёт,
Всех равноправнейшая каста
С единой поступью вперёд!

Сей строй лишь в мире справедливый,
В нём непорочны Долг и Честь,
И все с того всегда счастливы,

Других не жаждут подло съесть.

И революции в том слава
Крестьян, рабочих и солдат!
Непобедимая то лава,
Смела веков что гнёта ад

Под мудрым, чутким руководством
Коммунистических идей,
Капитализм был взят погостом,
Вновь возродиться не радей!

Социализма строй – ребёнок,
Что мать-История дала
Для мира, пестуя с пелёнок,
И ей навеки в том хвала!

А дети нам вовеки радость,
Отрада глаз, восторги душ!
Капитализм трудягам – гадость,
Ведь дать им равенство не дюж.

Идёт так Фёдор, рассуждая,
Вкруг слышит горестный вопрос:
– Мил, из военного ты края,
Вдруг слухом чутко ты пророс

И об отце... и муже... брате...
Ты что-то слышал, невзначай,

Они ведь в воинской все рати,
Наш защищая милый край?

Глядит на их в печали лица
И хочет дух их поддержать:
– Да, с ними вместе смел я биться,
Громил жестоко с ними тать.

Обратный путь весьма нескорый,
Ведь в глубь Европы мы зашли,
То надо реки взять, то горы,
Видать, бредут ещё вдали...

И те вздыхают, веря в чудо...
Но к образам бросают взгляд:
Лежит там страшное ведь худо,
Принесши душам жуткий ад,

Убив безумно, – «похоронки»,
Мол, бог вернёт их, оживит,
Рыданья ж будут долги, звонки,
Вдрызг истеричный с горя вид...

Надежда гибнет ведь последней,
Она поддерживает жизнь
Среди отчаяния бредней,
Мол, горе, сгинь и отвяжись!

Вновь устремляют вдаль те взоры,

Слезу снимая с глаз рукой...
– А не впустую ль разговоры?
А может, впрямь кто и живой?

И провожают все солдата
Предолгим взглядом: «Бог с тобой!»
И горя снова всех растрата...
Сидят печальною гурьбой...

А Фёдор шаг стремится быстрее
Скорей до дома бы дойти,
Что нет на свете всех милее,
К нему все дороги пути!

И вот деревня! Наконец-то!
Но, боже, мрачный, дикий вид...
Загробный, жуткий, а не детства,
Здесь жизнь от горя нервно спит...

Дома разбросаны от взрывов
Птиц крестоносных ярых бомб...
Живут, землянки наспех вырыв,
Кой-кто живой здесь... Свой апломб

Внесли и танки супостата,
Прямой наводкой разнеся,
И сожжены за хатой хата
Фашистом тоже, чуть не вся

Их деревенька-загляденье,
Боялся немец партизан,
Ему-то ввек не преступленье
Живьём сжигать гражданский стан,

Ведь дал добро на это фюрер,
Весь мир скромсать благословил,
С того он стал в кровавой буре,
Желая выжить с неких сил...

Колхозник каждый был расстрелян,
Повешен каждый коммунист,
И комсомольцы гордо пели,
Когда кромсал их змей-фашист!

Детей в костры бросали зверски,
Ведь всем фашистам мы, что скот.
За то кресты на грудь-железки
Их получал за взводом взвод.

Взрывали технику, осталась
Что не отправленною в тыл,
И птиц, скотины стало малость —
Таков в жратве фашистов пыл.

Всех нас считали уж рабами,
Они земель, стран господа!
Должны пред ними бить мы лбами,
Убьют, конечно, без суда.

С того и зверства, и бесчинства,
За что ответа век им нет,
В разбой все впали, в мерзость, в свинство,
И дым пожарищ скрыл весь свет...

Куда библейскому там аду
Перед земным, что создал враг!
Мол, никогда не будет сладу
С ним – кровожаден он ведь так.

Казалось, жизнь уж канет в Лету,
Существованью что обрыв...
Как победить напасть всю эту?
КПСС в том был призыв:

– Встать против с мала до велика,
Для фронта всё! Крепить ряды!
Мы не склоним пред злобой лика,
Из плена вырвемся беды!

В рядах шли первых коммунисты
И комсомольцы все на бой!
Пример их был другим лучистый,
Вели все массы за собой.

И каждый был страны защитник,
Жизнь отдавал, коль надо так,
Чтоб уничтожить паразитник

И водрузить советский стяг!

И вот уж воин каждый житель.

А весь народ неодолим,
Непобедимый он воитель,
Страна и мир гордятся им.

Побед и стойкости наследство
В нём живы, вечный будто мир,
Пред ним бессильны изуверства,
Ему Свобода ведь кумир.

Мужчин на фронт пришло премного
И из его деревни. В бой!
Им партизаны здесь – подмога,
И партизаном был любой.

И старики, уже седые,
И каждый юный пионер
Атаки делали лихие,
Впадал враг в прах от их всех мер...

Вот у него и нету тыла,
С того его бросает в дрожь,
И жить минуту уж немило:
А вдруг раздавят, будто вошь?

Вот изуверство безгранично,
А потому вокруг пепел, кровь...

Ведь приказал то фюрер лично,
– Ну что ж... Кресты за то готовь!

И мясники в злодейском деле,
Им радость мучить, убивать,
Ведь к гуманизму охладели,
Убить свою что смогут мать.

Вот потому в деревне тихо.
На пепелище кто сидит...
Косой прошлось вокруг ведь лихо.
Будь проклят, мерзкий паразит!

Глядят на Фёдора, не веря,
Войне настал что мил-конец,
Что победили напрочь зверя...
Летит к солдату вихрь сердец!

Все узнают то по улыбке,
Бесповоротно враг что смят.
– А нет ли, Фёдор, в том ошибки,
Ужель покинули мы ад?

Его с того улыбка шире!
Все скучковались вокруг него...
– Да нет фашизма ныне в мире
Вот с мая славного сего!

С боями долго выбивали

Его мы прочь с земли своей,
Набравшись сил, швырнули в дали.
Советских помнит пусть людей!

Был снаряжён враг капиталом
Лишь с целью злобною одной:
Пройтись смертельным ярым валом
Над нашей милою страной,

Советский строй вон уничтожа
И Коммунизм загнавши в гроб,
Себе у нас устроив ложе,
Чтоб кровью нашей полнить зоб,

Надеясь, что мы будем трусы
И Коммунизм пихнём ногой,
И он захватит все ресурсы,
Народ страны согнёт дугой.

Но гнуть умеем сами дуги,
Есть мастерство в нас, сила, дух.
Не испугались смерти вьюги
И разнесли фашизм вон в пух!

Да, мы покинули путь ада,
Бесчеловечность истребив,
Мир нам и миру, всем – отрада,
Социализм же – твердь, не миф.

Силён он силой коллективной
И равноправьем всех во всём,
Страна всё пуще стала сильной,
В сто крат мы лучше заживём,

Когда осилим всю разруху,
Направим в Завтра свой Прогресс,
Рабам Земли дадим краюху
Свободы, дух чтоб их воскрес!

Наш строй лишь только справедливый,
Никто не ездит ни на ком,
А потому любой счастливый.
Нас не прихлопнешь кулаком.

А потому вружитесь в дело,
Нас ждёт активный мирный труд,
Теперь живите вольно, смело,
Пути Грядущего зовут!

– Да будет так. Спасибо, братец!
Впряжёмся – каждый за двоих,
Не превратимся в каракатиц,
В трудах же будет каждый лих!

Ну, прощевай-ка, мил-товарищ!..
Всё чтобы снова возвести,
Убрать прочь надо всё с пожарищ,
Ведя в Грядущее пути.

Настрой в труде был жадно-веский,
Но в основном не рук мужчин,
А был надрывный труд то женский,
Носивших «вдовы» – горький чин.

Колхоз рожали бабы снова,
И труд во всём их был ручной.
Глядь, урожая! То обнова,
Хоть плачь от радости, хоть пой.

Нет-нет, с войны вдруг приходили —
Ах! – деревенские, свои...
Не покоровшись могиле,
Прошедши с честью все бои.

Кого гнетут ещё раненья,
А кто пришёл почти здоров.
Являли груди награжденья,
Всех вид усталый и суров...

В одних семействах радость, счастье!
В других лишь слёзы, скорбь и боль...
В душе глубокое ненастье,
Что жить не хочется нисколько...

Но надо! Вырастить детишек.
С заботой быть и к старикам,
Всего, конечно, не излишек.

Труд непомерный всё рукам...

Вот и метались беспрерывно,
Машины швейной как челнок,
Всё впопыхах да всё надрывно,
Валились с устали вон с ног...

А грусть-печаль всё днями гложет
И не даёт ночами спать...

*«Ну помоги, хоть малость, боже!
Сними с души вон горя кладь...»*

А руки в деле инстинктивны,
Кажись, им уйму вовсе нет.
Вот и дела все продуктивны,
И так в течение всех лет...

И Фёдор сгрёб вон пепелище,
Останки бережно родных,
Погибших здесь, отнёс в жилище —
Могилку рядом, мрачно стих...

Лишь слёзы холмик окропляли,
А он того не замечал,
Стоял, понурясь, в всей печали...
Её, знать, вечный здесь причал.

Решил один осилить хату,
Пусть и с одною лишь рукой.

Пусть дождь по крыше льётся скату
И дарят стены блажь, покой...

Хотя его и приглашали
Пожить под крышею одной,
Ведь вместе легче все печали,
А в счастье – с радостной душой!

– Зачем я буду всем обузой
И лишним ртом, и так бедны,
Да дети – каждый карапузый! —
И вы от голода бледны...

А что помочь, то враз зовите,
Здоровье будет копь, мощь сил,
Приду на выручку с всей прыти.
Траву с смышлёностью косил,

Косё привязывал верёвкой
К себе, косу чтоб удержать,
Рукой одною со сноровкой
Косил, и сено – благодать!

Дрова рубил, хоть трудно, вдовам,
Из леса к хатам их носил,
Пока, конечно, был здоровым
И не лишился напрочь сил.

Где за горячую похлёбку,

За хлеба милый где кусок,
– Пора бы, Фёдор, уж зазнобку
Где отыскать, мил-паренёк,

Пообзавёлся бы семьёю,
Оно и легче стало б жить
Всегда, не краткою порою,
Пока ты молод, есть и прыть...

Ему говаривали люди.
– А без одной что ты руки...
Вот ты с женой не будешь в худе,
Семья – то блага высоки.

Да Фёдор сам входил вдруг в думку,
Негоже быть всё бобылём,
Имел стеснительности струнку,
И в этом деле был нолём...

Конечно, были на примете,
И всё хозяйственные сплошь,
На них внезапно взгляд он метил,
Да вмиг сникал: ведь нехорош,

Кому калекою он нужен?
Такую все осудят враз:
– Обзавелась же, дура, мужем,
Аль не имела зорких глаз?

*«И я не буду вмиг любимый,
С того и будет психовать,
Глядя с презреньем вечно мимо,
Со мной, мол, жизнь не благодать...»*

*Один влачиться буду сроду,
Быть независимым – мой сказ!
Так мне и надо век, уроду...»
И с горя тихо-тихо гас...*

– Не обижаться ж мне на это,
Вон невзлюбя весь вольный свет,
Что нет взаимного ответа,
Пыланья чувств ко мне что нет?

Живут же вдовы одиноки,
Не ропщут уж и старики,
Что горе выпило все соки,
Ведь не бросаться ж в глубь реки

Свою с того жизнь прекративши?
А коль родился, надо жить,
Надежду взвивши выше, выше,
Взвинтивши к Счастью всю-то прыть!

Жить в одиночестве мне – право
И наказание, что такой.
Но оттого не сгину, право,
И не найду в земле покой,

И проживу свой век натужный,
Как будто нет меня совсем,
С подмогой, счастьем ввек не дружный,
Боль одиночества всю съем.

Душа же счастья хочет, ясно,
Живут надежда и мечты,
От них отбиться всё напрасно
И не забыть среди суеты...

– Вот приглянусь какой, допустим,
Хотя сомненья вихрь всё мчит...
Вновь попаду в объятия грусти,
Приму цветка поникший вид...

Ведь приведу куда невесту,
Ведь ни кола и ни двора?..
И мысль рождается вновь к месту:
– Построить хату мне пора.

Пойти мне к ней жить? Где же гордость?!
Зависим буду, как чужой,
Войду пред взглядами вон в кротость,
Ислёстан буду, как вожжой...

Конечно, будет трудноато,
Ведь все в своих всегда делах...
И бьёт отчаянье солдата

От безысходности, да в пах...

Вот он и мечется, как птица,
Что заточило зло вдруг в клеть!..
Найти он выход всё стремится!
Но заперт он, то духу – плеть!

Не может торкнуться он к вдовам:
Мужья погибли ведь в боях...
Не расцветут ведь с горя снова,
Вот счастья, радости и крах...

Ведь ждут возврата беспрестанно,
Что чудо явит им мужей,
Из горя сгинут вон капкана,
Обнимут страстно их, нежней...

И отвергает эта вера
Вдруг взгляды страстные мужчин,
Да и у вдов детишек мера,
Заботы нужен им почин,

Вот и лелеют, обнимая,
Головки глядя, как котят...
Ведь в том обязанность святая,
К тому же, детки есть хотят...

Глядеть как будут вдовы в глазки
Своих детишек, приведут

Чужого дядю без опаски
В дом, вдруг нарушивши уют?

Вот оттого не могут вдовы
Предать мужей своих, детей
И горевать всю жизнь готовы
Без походов всех затей.

– Идти к ним – это оскорбленье
Их и предательство солдат,
Что не вернулись в дом с сраженья,
Войны изведав дикий ад.

Молодкам нужен, ясно, статный,
Да чтоб в своё богатство ввёл,
Пройтись любезно ведь с приятным!
А я невзрачен, будто кол...

Не привлечёт мой Славы орден,
Ведь с хромотой и без руки...
Вот в женихи и не пригоден,
Вкруг одиночества клыки...

Одна прешустрая девица,
Заметил я, бросает взгляд
На орден этот и стремится
Всё оценить меня сто крат...

Ох, женихов здесь нет получше,

Все под войны легли пятой...
Вот никого не ждут из бучи
Военной с мыслью дорогой.

Да возраст влюбчивый уж очень
Девицы сей, что вся – огонь!
Вот взгляд, вокруг ищущий, отточен
И скачет, резвый будто конь!

*«А что, ужели некрасива,
Совсем не люб мой вид и стать?»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.